

ЛѢТОПИСЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Опытъ исторіи Харьковскаго Университета.

Д. И. Багалѣя.

(Продолженіе *).

стала стихія малорусская, удовлетворявшая живой, внутренней, потребности интеллигентныхъ малороссіянъ, усвоившихъ уже русское образованіе, но не порвавшихъ еще связи со своимъ на- вѣ въ области духовной культуры, находившихся въ общеніи простымъ людомъ, говорившихъ съ нимъ его языкомъ, пѣвшихъ его знавшихъ его преданія и рассказы. Это естественное, непосредственное стремленіе къ народному языку нашло себѣ поддержку и силь- ный толчекъ къ дальнѣйшему развитію въ появленіи въ сосѣдней пол- тавѣ малорусскихъ произведеній И. П. Котляревскаго, особенно его знаменитой Энеиды, завоевавшей себѣ къ 20-мъ годамъ XIX в. симпатіи всего южнорусскаго общества, въ томъ числѣ и сло- ванско-украинскаго. И вотъ вслѣдъ за полтавскимъ малорусскимъ ли- тературнымъ движеніемъ и, конечно, не безъ его непосредственнаго влияния возникаетъ харьковское и талантливѣйшими выразителями его являются Артемовскій-Гулакъ и Квитка—первый въ стихотворной формѣ, второй—въ прозаической. Въ альманахѣ „Утренняя звѣзда“ 1836 года дѣйствительно расцвѣла новая заря малорусской словесности: мы видимъ произведенія харьковцевъ—Квитки и Гулака-Артемов- скихъ и полтавцевъ—Котляревскаго и Гребенки, Харьковъ не только принимаетъ въ своемъ альманахѣ произведенія Полтавы, но и далъ импульсъ для безсмертной „Наталки Полтавки“ вмѣстѣ съ портретомъ ея истинной героини. И харьковское малорусское литературное движе- ние, подобно полтавскому, выросло естественно—изъ внутренней духов- ной потребности интеллигентныхъ представителей малорусскаго народа пользоваться богатымъ литературнымъ наслѣдіемъ этого послѣдняго и изъ историческихъ и современныхъ пѣсенъ, сказокъ, преданій и т. п. Что здѣсь не было ничего искусственнаго, навѣяннаго извнѣ, что естественнаго, это неопровержимо доказывается личными свойствами Квитки и Гулака-Артемовскаго. И тотъ, и другой творили только изъ глубокой внутренней потребности, и потому что въ совершенствѣ формы, т. е. языкомъ, и обладали большимъ запасомъ худо- жественнаго матеріала. Оба пробовали первоначально писать по русски, но оба были убѣждены въ томъ, что все это было слабо и блѣдно, и только художественно выходило только то, что было написано ими на родномъ языкѣ. Гулакъ-Артемовскій при этомъ даже не придавалъ серьезнаго значенія своей литературной дѣятельности и сосре-

* См. книгу 4 1902 г.

доточивалъ все свое вниманіе и всѣ свои заботы на служебной карьерѣ и связанныхъ съ нею чинахъ и наградахъ. По своимъ воззрѣніямъ онъ стоялъ на консервативной патріотическо-охранительной почвѣ и былъ далекъ отъ какого то ни было либерализма.

Мѣстное малорусское литературное движеніе опиралось главнымъ образомъ на народную малорусскую словесность; въ той же „Утренней Звѣздѣ“ мы видимъ запорожскія пѣсни, сообщенныя и комментированныя Изм. Ив. Срезневскимъ, который еще раньше напечаталъ думы въ „Украинскомъ альманахѣ“ 1831 года, въ 1833 году выпустилъ въ свѣтъ 1-ю часть своей знаменитой „Запорожской старины“ и въ 1835 г. — украинскую лѣтопись. Въ томъ же альманахѣ 1831 г. помѣщены были, какъ мы видѣли, и нѣкоторыя стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ. Прекраснымъ исполнителемъ малороссійскихъ пѣсень былъ, какъ мы знаемъ изъ 1-го тома „Опыта“, и издатель „Украинскаго демокрита“ Масловичъ, владѣвшій также и малорусскою литературною рѣчью.

Расцвѣтъ литературнаго движенія въ изучаемый нами періодъ объясняется съ одной стороны толчкомъ, даннымъ ему въ предшествующее десятилѣтіе, которое сформировало дѣятелей, выступившихъ на литературную арену въ концѣ 10-хъ и началѣ 20-хъ годовъ, а съ другой прогрессомъ въ области русской литературы и журналистики, который не могъ не отразиться и въ новомъ провинціальномъ центрѣ — университетскомъ городѣ Харьковѣ. Что же касается внѣшнихъ условій для развитія литературы и журналистики (имѣю въ виду главнымъ образомъ цензуру), то эти послѣднія были крайне неблагопріятны. Благодаря имъ, вовсе не могли появиться въ свѣтъ одни повременныя изданія и должны были прекратиться другія; что же касается существовавшихъ, то эти послѣдніе лишены были драгоцѣннѣйшаго блага — свободы и независимости сужденій и должны были приспособляться къ направленію, искусственно прививавшемуся къ русскому обществу кн. А. Н. Голыцынымъ. Неудача „Украинскаго журнала“ и объясняется, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ несоотвѣтствіемъ усвоеннаго имъ officialнаго направленія съ запросомъ и стремленіемъ его читателей, не раздѣлявшихъ піэтического увлеченія редактора журнала. Піэтизмъ и мистицизмъ не проникъ глубоко въ русское провинціальное общество, а захватилъ только его педагогическій кругъ, и то далеко не весь, а одни его officialныя вершины и тѣхъ, кто стремился достичь ихъ публичнымъ исповѣданіемъ своего соотвѣтствующаго духу времени profession de foi.

Какъ бы то ни было, но литературная сторона въ дѣятельности Харьковскаго университета въ концѣ 10-хъ, въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка должна быть особенно подчеркнута нами по ея силѣ.

му, широкому, непосредственному и благотворному влиянію на общество. Ею до нѣкоторой степени компенсировался недостатокъ научнаго воздѣйствія университета на мѣстную среду. Въ журналахъ научнаго элемента объединялся съ художественно-литературнымъ. Журналы двигали кромѣ того и вопросы высшаго нравственнаго порядка, пробуждали и укрѣпляли духъ общественности. Съ величайшею признательностью слѣдуетъ вспомнить, на примѣръ, о томъ, что они пробуждали и укрѣпляли въ мѣстной средѣ духъ широкой общественной благотворительности, реально проявившейся въ обильныхъ пожертвованіяхъ въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учреждений. Наконецъ, участіе въ журнальной дѣятельности благотворно отражалось какъ на профессорахъ сотрудникахъ, такъ и на ихъ слушателяхъ—студентахъ—оно увлекало тѣхъ и другихъ или въ сферу научно популярныхъ работъ, или въ область литературной критики, или, наконецъ, въ область художественнаго творчества, отвлекавшую отъ будничныхъ интересовъ и дававшую во всякомъ случаѣ авторамъ внутреннее нравственное удовлетвореніе. Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что харьковское студенчество было также захвачено этимъ литературнымъ движеніемъ и въ результатъ его явился цѣлый рядъ сборниковъ студенческихъ сочиненій.

Что касается матеріальной обезпеченности профессоровъ Харьковскаго университета, то она въ изучаемый нами періодъ времени была недостаточна, значительно уступая въ этомъ отношеніи первымъ годамъ жизни университета: штаты, т. е. нормы обезпеченія, остались безмѣненны, а между тѣмъ курсъ рубля страшно понизился и всѣ продукты и товары сильно вздорожали. Это вздорожаніе, вызываемое пресловутой континентальной системой Наполеона, побудило, какъ мы знаемъ, харьковскихъ профессоровъ обратиться въ 1810 году, съ просьбою о прибавкѣ жалованья. Въ 1816 году ходатайство было повторено, но дороговизна не только не уменьшалась, а даже скорѣе увеличивалась. Вотъ текстъ этого любопытнаго прошенія.

„Около пяти лѣтъ тому назадъ профессоры и адъюнкты Харьковскаго Университета осмѣливались представлять Вашему Императорскому Величеству бѣдственное состояніе, до котораго они доведены отъ чрезвычайнаго умноженія цѣнъ на необходимые для жизни предметы.

Крайность ихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ еще болѣе увеличилась и они вторично объясняли ее въ прошеніи на Высочайшее Имя.

Министръ народнаго просвѣщенія подаль намъ надежду на предстоящее улучшеніе монетнаго достоинства. Мы дѣйствій его ожидали въ молчаніи и повиновеніи.

Вскорѣ послѣ того Отечеству было угрожаемо: мы въ сердцахъ нашихъ воздыхали—и вотъ одно пожертвованіе, которое мы могли сдѣлать. Блистательныя побѣды, послѣдствія величайшей храбрости и совершеннаго согласія между союзниками Вашего Величества возвратили миръ Европѣ и поставили Россійскую Имперію на первую степень Европейскихъ державъ. Но нынѣ, всемилостивѣйшій Государь, когда великіе труды Ваши для укрѣпленія общаго спокойствія приведены къ окончанію, позвольте представить Вашему Величеству потери и страданія наши и прибѣгнуть къ Монаршему Вашему правосудію и великодушію.

Всемилоствѣйшій Государь! Протекшіе девять лѣтъ послужили къ нашему раззоренію. Многіе изъ насъ поддерживали себя пособіями семействъ своихъ въ чужихъ краяхъ, другіе истощили все то, что доставили имъ плоды двадцати и тридцати лѣтнихъ трудовъ, большая же часть вошла въ долги, которыхъ не можетъ заплатить.

Ваше Величество благоволили однакожь назначить жалованье наше такъ, чтобы, удаляя отъ насъ всякую заботу относительно потребностей жизни, мы могли посвятить себя совершенно трудамъ нашимъ по части народнаго просвѣщенія. Но упадокъ ассигнацій привелъ для насъ въ ничтожество всѣ благотворныя намѣренія Вашего Величества.

Потери, потерпѣнныя симъ существеннымъ уменьшеніемъ нашего жалованья въ теченіи девяти минувшихъ лѣтъ, простираются до 44.628 рублей ассигнаціями для тѣхъ, кои въ тогдашнее время служили ординарными профессорами, а для другихъ профессоровъ и адъюнктовъ въ соразмѣрность съ годами службы ихъ и жалованьемъ.

Сумма эта составляетъ для насъ всю разность между благосостояніемъ и крайностью; но потеря ея тѣмъ чувствительнѣе, что тѣ, кои нѣкоторымъ образомъ участвовали въ учрежденіи университета, достигли такого періода жизни, въ которой нельзя уже болѣе заниматься хозяйственностью, ни помышлять о пополненіи недостатковъ имущества.

Позвольте, Ваше Величество, замѣтить здѣсь, что тѣ только въ государствѣ потерпѣли, которые имѣютъ определенное жалованье или доходы безъ побочныхъ пособій. Произведенія земли и промышленности, иностранные товары, цѣны за работу мастеровыхъ—все болѣе или менѣе поравнялось со сравненнымъ достоинствомъ серебра и ассигнацій. И потому дворяне, купцы, ремесленники и земледѣльцы ничего не потеряли. Въ разсужденіи же гражданскихъ чиновниковъ, они могли бы быть причислены къ нашему сословію, еслибъ старые обычаи не возвышали жалованья ихъ такъ, что они могли жить въ изобиліи. Мы смѣемъ просить Ваше Величество назначить намъ сравнительно съ временемъ службы и жалованьемъ каждаго вознагражденіе, которое Ваше Величество признаете нужнымъ за протекшіе девять лѣтъ, на предъ будущее же время.

для отвращенія всякой заботы опредѣлить намъ жалованье серебромъ, подобно тѣмъ, которые получаютъ въ Виленскомъ университетѣ, что соответствуетъ достоинству ассигнацій въ 1804, когда Вашему Величеству угодно было назначить доходы Харьковскаго университета. Экономическая казенная сумма, собранная нашими попеченіями, достаточна была для испрашиваемаго нами вознагражденія.

Счетъ убытковъ, понесенныхъ членами университета съ 1807 года.

Когда Его Величество назначилъ жалованье членамъ Харьковскаго университета, тогда курсъ былъ 80 серебромъ на ассигнаціонной рубль. Жалованье ординарныхъ профессоровъ было по 2000 руб. ассигнаціями, за квартиру и отопленіе по 500 руб., слѣдовательно, они получали по сравненію тогдашняго курса всего жалованья 2000 руб. Жалованье адъюнктовъ также соответствовало 800 руб. серебромъ. Нижеслѣдующее разчисленіе объясняетъ ежегодныя потери ординарныхъ профессоровъ. Курсъ на деньги извлеченъ изъ сочиненія Шторха о политической экономіи (томъ VI таблица № VIII).

	Курсъ на ассигнаціи	Потеря на 80 к. серебромъ	Жалованье обра- щенное въ серебро	Потеря въ серебрѣ на ежегодное жа- лованье
1807	67 ¹ / ₂	12 ¹ / ₂	1.687 р. 50 к.	312 р. 50 к.
1808	53 ³ / ₄	26 ¹ / ₄	1.343 " 75 "	656 " 25 "
1809	44 ² / ₃	35 ¹ / ₃	1.116 " 62 ² / ₃ "	883 " 33 ¹ / ₄ "
1810	33 ¹ / ₃	46 ² / ₃	933 " 33 ¹ / ₃ "	1.066 " 66 ² / ₃ "
1811	25 ² / ₅	54 ¹ / ₅	645 " — "	1.355 " — "
1812	26 ² / ₅	53 ¹ / ₅	670 " — "	1.330 " — "
1813	25 ¹ / ₅	54 ² / ₅	640 " — "	1.360 " — "
1814	25 ¹ / ₅	54 ² / ₅	640 " — "	1.360 " — "
1815	25 ¹ / ₅	54 ² / ₅	640 " — "	1.360 " — "
1816	25 ¹ / ₅	54 ² / ₅	213 " 43 ¹ / ₂ "	453 " 33 ¹ / ₃ "
за 4 первые мѣсяца			8.509 р. 58 ¹ / ₃ к.	10.157 р. 8 ¹ / ₃ к.

Очевидно, что служившіе въ 1817 году ординарные профессора потеряли 10.157 руб. 8¹/₃ к. серебромъ или 44.628 руб. ассигнаціями. Потеря эта чувствительнаѣе для тѣхъ, которые исполняли разныя должности и болѣе находились въ службѣ.

Потеря адъюнктовъ съ 1807 по настоящее время считается 4062 р. 33¹/₃ к. серебромъ или 16.248 ассигнаціями.

Слѣдуетъ замѣтить, что при подробномъ изслѣдованіи откроется, что отъ промѣна по показаннымъ курсамъ денегъ сверхъ означенныхъ

убытковъ были еще другіе. Мѣдная монета, мелкое серебро, пяти и десяти рублевья ассигнаціи составляли особую лажъ и платили до 33 руб. % за мѣдную монету; при размѣнѣ же 50 и 100 рублевыхъ ассигнацій на мелкія бумажки лажъ возвышался и понижался, смотря по ветхости ассигнацій.

Независимо отъ этихъ потерь члены университета по чрезвычайной въ осеннее время грязи въ Харьковѣ должны дорогою цѣною нанимать кареты, безъ коихъ признаютъ невозможнымъ пріѣзжать къ своей должности.

Ректоръ Тимофей Осиповскій.

Попечитель гр. С. О. Потоцкій съ своей стороны писалъ.

„Общее сословіе университета, препровождая ко мнѣ на Высочайшее Государя Императора имя прошеніе, касательно уравниенія сочленовъ его въ выгодахъ съ профессорами и адъюнктами Виленскаго университета, просить, дабы посредствомъ начальства, это прошеніе доведено было до свѣдѣнія Его Величества. Хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ я усматриваю большія затрудненія въ удовлетвореніи гг. членовъ университета по предмету ихъ просьбы, но съ другой стороны, убѣждаясь дѣйствительно неблагопріятнымъ положеніемъ этого сословія, не имѣющаго никакихъ постороннихъ способовъ къ вознагражденію претерпѣваемаго имъ непрестаннаго убытка на денежномъ курсѣ, я почелъ долгомъ представить при этомъ его вмѣстѣ съ нотою о понесенныхъ членами университета убыткахъ съ 1807 года на благоусмотрѣніе и начальническое разрѣшеніе Вашего Сіятельства“.

Комитетъ министровъ постановилъ отложить удовлетвореніе этой просьбы до разсмотрѣнія новаго штата университета. Но совѣтъ Харьковскаго университета въ 1818 году указалъ попечителю на то обстоятельство, что Дерптскій университетъ давно уже пользуется новыми штатами, по коимъ профессора получаютъ жалованья по 1.500 р. сер. выдаваемыхъ, правда, ассигнаціями, но *по курсу* и въ виду этого просилъ о скорѣйшемъ введеніи новаго штата и о выдачѣ профессорамъ единовременнаго пособія въ зависимости отъ срока ихъ службы. Вотъ текстъ ихъ новаго прошенія.

„Въ 1810 году, когда цѣны всѣхъ вещей, слѣдуя за курсомъ ассигнаціонныхъ денегъ, возвысились почти до нынѣшняго ихъ состоянія, члены Харьковскаго университета не могли болѣе содержать себя приличнымъ образомъ, получаемымъ ими по штату жалованьемъ и подавали на Высочайшее Имя просьбу объ улучшеніи ихъ состоянія. Просьба эта доведена была бывшимъ тогда Министромъ Просвѣщенія до воззрѣнія Государя Императора, и Его Величество изволилъ на нее сказать, что это обстоятельство есть общее всѣмъ, которое однакожъ недолго продол-

ются. Но такъ какъ это обстоятельство въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ потому продолжалось въ равной ежели невозвышающейся степени, то въ началѣ 1816 года подобная просьба членами университета возобновлена была съ присовокупленіемъ, чтобы разстроенное ихъ состояніе поправлено было сверхъ того единовременнымъ вознагражденіемъ. Совѣтъ министровъ, уваживъ эту просьбу, доносилъ опять на благоразсмотрѣніе Государя Императора, и повелѣно было потерпѣть до разсмотрѣнія нововъ штатовъ. Нынѣ извѣстно стало Харьковскому университету, что Дерптскій университетъ давно уже пользуется суммами, отпускаемыми по новому штату, по коему профессора получаютъ жалованья до полуторы тысячи серебромъ, производимаго въ ассигнаціяхъ по курсу. Совѣтъ Харьковского университета, заключая изъ этого, что штатъ Дерптскаго университета устроенъ, и зная по состоянію настоящихъ цѣнъ вещамъ, нужнымъ къ содержанію, что теперь и съ устроеннымъ жалованьемъ возможно содержать себя такъ, какъ при составленіи прежнихъ университетскихъ штатовъ можно было содержать себя положеннымъ въ нихъ жалованьемъ, рѣшился просить ваше превосходительство о ходатайствованіи, дабы и нашего университета штатъ по крайней мѣрѣ устроенъ былъ; и ежели будетъ милость Государя, то пожаловано было бы каждому члену его, по мѣрѣ времени службы его въ трудныхъ обстоятельствахъ, единовременное награжденіе для поправленія разстроеннаго состоянія“.

Попечитель передалъ эту просьбу профессоровъ на благоусмотрѣніе министра, придавъ ей нѣсколько иную редакцію: университетъ ходатайствовалъ о введеніи новаго штата и единовременномъ пособіи, попечитель же о введеніи новаго штата или по крайней мѣрѣ о единовременномъ пособіи. Министръ Народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ отвѣтилъ попечителю, что смѣта на 1819-й годъ уже составлена и утверждена и потому ходатайство о новомъ штатѣ передъ Его Величествомъ можетъ быть возбуждено только по отношенію къ смѣтѣ на 1820 годъ и то по новому представленію попечителя, который долженъ будетъ привести въ пользу его основательные мотивы и указать на особые заслуги профессоровъ и пользу, приносимую университетомъ. Попечитель интерпретировалъ этотъ отвѣтъ министра по своему, въ своемъ духѣ: прямо заявилъ, что министръ будетъ ходатайствовать передъ Государемъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія профессоровъ, „но не прежде, чѣмъ они покажутъ въ полной мѣрѣ свое усердіе къ службѣ, соответствуя всѣмъ ожиданіямъ высшаго начальства, постараются направлять умы молодыхъ воспитанниковъ къ единой цѣли, указанной имъ, попечителемъ, по волѣ его сіятельства въ прошломъ году, дока-

заны же таковыя старанія чиновниковъ университета будутъ тогда, когда утвердится между ними общее и постоянное согласіе, когда учащіеся покажутъ отличные успѣхи въ наукахъ и чистой нравственности, основанной на христіанскомъ ученіи, и наконецъ когда и самое производство дѣлъ по университету пойдетъ успѣшнѣе. Я увѣренъ, писалъ въ заключеніе попечитель, что университетскіе чиновники дадутъ мнѣ возможность свидѣтельствовать передъ его сіятельствомъ о всемъ вышеизъясненномъ и тѣмъ самымъ скорѣе и прочнѣе улучшится собственное ихъ благосостояніе“.

Ректоръ университета Т. Ѳ. Осиповскій представилъ въ отвѣтъ на это слѣдующія соображенія о штатѣ.

„Такъ какъ по просьбѣ, поданной Совѣтомъ объ улучшеніи состоянія университетскихъ чиновниковъ, поручено Вашему Превосходительству составить новый штатъ, то я и счелъ за нужное о немъ подумать. По разсмотрѣніи всѣхъ статей, относящихся къ университету, хотя я нашелъ въ нихъ нѣкоторые пробѣлы (напримѣръ, канцелярія при совѣтѣ, контролерскій столъ при училищномъ комитетѣ, должность надзирателя при классахъ), но такъ какъ въ штатѣ назначено лишнее жалованье для второго профессора богословія, то по обращеніи его на означенныя статьи, штатной суммы будетъ достаточно на все, если только она будетъ имѣть такое денежное значеніе, какое имѣла при составленіи штата. Когда же составлялся штатъ, то исчисленіе суммъ сдѣлано было по расчету рубля двадцати пяти копѣекъ (ассигнаціями) за серебряный рубль, т. е. считая по 100 рублей ассигнаціонныхъ за 80 серебряныхъ рублей. Если и теперь по всѣмъ статьямъ за каждыя штатныя сто рублей будетъ выдаваться по 80 рублей серебромъ, то всѣ нужды по каждой статьѣ будутъ удовлетворены. Не нужно при этомъ, чтобы отпускъ денегъ былъ производимъ непременно серебромъ; довольно и того, когда выдача будетъ производиться ассигнаціями, но по курсу, опредѣленному въ концѣ предыдущаго года на будущій, какъ производится пріемъ серебра въ казну по таможеннымъ. Трудно было бы, вѣроятно, Министерству Финансовъ произвести этотъ переломъ вдругъ, но постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вполне возможно будетъ доставить штатамъ ихъ настоящее значеніе. По моему мнѣнію, не трудно будетъ на первый годъ назначить 50 серебряныхъ рублей за 100 ассигнаціонныхъ, на второй—60, на третій—70 и на четвертый—80, удержавъ эту послѣднюю цифру навсегда. При этомъ можно надѣяться и на возвышеніе курса ассигнацій, а это еще болѣе облегчитъ приведеніе штатовъ въ должный видъ. Не мое дѣло государственныя финансы, но для равновѣсія государственныхъ доходовъ и расходовъ, нужно

лю бы при наложеніи податей, при винныхъ откупахъ и т. п. рас-
судки и расчеты вести въ серебряной монетѣ. Государству нужны
были большею частію не деньги, а вещи въ натурѣ, цѣна коихъ
фактическимъ образомъ соотвѣтствуетъ курсу серебряной монеты.
Съ измѣненіемъ курса, измѣняется ихъ цѣна въ ассигнаціяхъ, а отъ
этого происходитъ неравновѣсіе между государственными доходами и
расходами. Къ счастью теперь курсъ серебра падаетъ, а потому балансъ
поправляется въ пользу финансовъ" (13 сент. 1819 г.).

Записка Т. О. Осиповскаго освѣщала вопросъ и устанавливала
исходный пунктъ для опредѣленія новыхъ штатовъ. Если нельзя
было прочно улучшить матеріальнаго положенія профессоровъ и универ-
ситета, то нужно было по крайней мѣрѣ вернуть его къ тѣмъ нормамъ,
которыя учреждены были при основаніи университета и которыя въ то
время, какъ мы знаемъ, обеспечивали благосостояніе преподавательскаго
персонала. Изъ осторожности Т. О. Осиповскій предлагалъ не сразу
вернуться къ этимъ нормамъ, а постепенно—въ теченіе 4-хъ лѣтъ.

Проектъ новаго штата былъ представленъ попечителю, который
проводилъ его къ Министру Народнаго Просвѣщенія при слѣдующемъ
замѣчаніи. „Крайне бѣдное состояніе университетскихъ чиновниковъ вслѣд-
ствіе возвысившейся на всѣ предметы дороговизны, заслуживаетъ тако-
го къ нимъ снисхожденія. Большая часть чиновниковъ проходитъ
службу съ отличною похвалою и успѣхи какъ въ наукахъ, такъ и
въ нравственности противъ прежняго оказались большими. Есть однако
и некоторые и то немного изъ чиновниковъ—замѣченные не совсемъ
исправительными о своемъ долгѣ, но къ исправленію ихъ приѣмлются
необходимыя мѣры, при неусыпномъ наблюденіи которыхъ можно на-
деяться, что скоро все вообще придетъ въ порядокъ и за симъ нельзя
оставить прочихъ безъ пособія претерпѣваемой скудости. Почему на
лучшеніе благосостоянія университетскихъ чиновниковъ покорнѣйше
прошу Ваше Сіятельство обратить милостивое вниманіе“.

По вновь проектированному штату жалованье 28 профессорамъ
предѣлено было въ 3.900 р. и 500 руб. квартирныхъ. Профессора по-
лучали теперь квартирныхъ по 500 р., адъюнкты—по 200 р. Одинъ изъ
нихъ—адъюнктъ Криницкій—имѣлъ квартиру въ натурѣ въ универси-
тетскомъ помѣщеніи (изъ 3-хъ комнатъ); другой адъюнктъ Чернаевъ—
раньше занимавшій казенную квартиру, послѣ женитьбы оставилъ ее ¹⁾.
Адъюнктамъ назначалось по 1.500 руб. (съ квартирными), четверемъ
сторамъ новыхъ языковъ по 1.000 р., 12 магистрамъ педагогическаго

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1254/71.

института—по 600 р., 12 студентамъ-кандидатамъ по 500 р., 60 казеннокоштнымъ студентамъ по 400 р., ректору—1.000 р., 4-мъ деканамъ и непремѣнному засѣдателью по 500 р., синдикъ 400 р., архивариусу совѣта и переводчику совѣта 1.000 р., 4-мъ секретарямъ факультетовъ по 250 руб., директору педагогическаго института 500 руб., инспектору казеннокоштныхъ студентовъ 500 р., бібліотекарю 1.000 р., помощнику его—400 р., секретарю правленія 1.000 р., а вмѣстѣ съ канцеляріей—5.000 руб., на осмотръ училищъ 5.000 руб., на путешествія въ чужіе края адъюнктовъ 4.000 руб., священнику и на содержаніе церкви 2.000 р., учителямъ искусствъ—3.000 р., на пенсіи 10.000 руб. Экстраординарные профессора должны были пользоваться адъюнктскимъ окладомъ, а если занимали кафедру, то получали квартирные деньги по окладу ординарныхъ профессоровъ. Всего по новому штату проектировалось отпускать на Харьковскій университетъ 220.750 рублей вмѣсто прежнихъ 130.000 руб., т. е. на 90.750 руб. или почти на 70% болѣе прежняго ¹⁾.

Однако и это представленіе не имѣло практическихъ послѣдствій. И мы знаемъ уже, что въ 1822 году Харьковскій университетъ черезъ попечителя возбудилъ ходатайство объ увеличеніи штатовъ на счетъ хозяйственныхъ суммъ. Всего проектировалось прибавки или, точнѣе говоря, перечисленія 64500 р. Но хотя эта прибавка была очень скромна, ибо цѣны на товары въ дѣйствительности удвоились и даже утроились, Министръ напелъ ее чрезмѣрной и приказалъ не отступать отъ штатовъ ²⁾. Въ 1825 году Министръ Народнаго Просвѣщенія Шишковъ затребовалъ отъ Харьковскаго университета замѣчаній на университетскій уставъ и штаты и эти замѣчанія ему были представлены Совѣтомъ черезъ попечителя ³⁾. Между прочимъ Харьковскій университетъ ходатайствовалъ здѣсь о расширеніи своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ экономическаго характера, а именно—дарованное 12-мъ пунктомъ утвердительной грамоты и указомъ 31 мая 1825 года освобожденіе отъ постоя и платежа квартирныхъ денегъ жилищъ профессоровъ. Совѣтъ просилъ распространить и на жилища ихъ вдовъ и сиротъ, а также классныхъ чиновниковъ, состоящихъ при канцеляріяхъ и учрежденіяхъ университета: это послужило бы поощреніемъ для поступленія на службу болѣе способныхъ. Такъ какъ квартирные деньги взы-

¹⁾ Харьк. унив. Архивъ. Дѣло поп.—529/27. Арх. М. Н. Пр. Д. 6335/162.

²⁾ Настоящее сочиненіе, стр. 374—375.

³⁾ Тоже сдѣлали и другіе университеты; объ университетскихъ реформахъ Шишкова см. С. В. Рождественскаго. Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просвѣщенія. С.-П.-Б. 1902, 176—192.

живались съ хозяевъ домовъ, занимаемыхъ профессорами, то эти по-
сѣдніе платили столько же, сколько и другіе квартиранты и для до-
ставленія имъ льготы необходимо было, по мнѣнію Совѣта, освободить
отъ уплаты этихъ денегъ и ихъ квартирныхъ хозяевъ. Далѣе Совѣтъ
просилъ, чтобы опредѣлены были классы должностей прозекторовъ (8)
паторовъ (10), учителей искусствъ (12) и др. лицъ. Проектировалось
также допустить къ участию въ дѣлахъ университета и училищнаго
университета по выборамъ заслуженныхъ профессоровъ, не занимавшихъ
кафедру, ибо своею 25-лѣтнею службою и опытностью они могли бы
приносить пользу университету; а если бы заслуженный профессоръ
занималъ кафедру, то Совѣтъ считалъ справедливымъ, чтобы онъ на
этой кафедрѣ получалъ жалованье кромѣ пенсіи: жены и дѣти умер-
шихъ заслуженныхъ профессоровъ, по его мнѣнію, должны бы получать
половину ихъ пенсіи. Было бы справедливо также, писалъ онъ, чтобы
преподаватели университета могли выписывать для себя изъ заграницы
безплатно книги и учебныя пособія, на такихъ же основаніяхъ, какъ
дѣлаетъ это университетъ. О штатахъ Совѣтъ университета далъ такое
объясненіе попечителю. „Теперешнее жалованье университетскихъ чи-
новниковъ совершенно недостаточно для безбѣднаго существованія.
Цѣны на всѣ предметы потребленія возвысились такимъ образомъ, что
по точному соображенію ихъ, при основаніи университета и въ первые
годы его существованія 2000 р. составляли относительно почти вдвое
большую сумму, нежели теперь 4000 р., предполагаемые въ жалованье
профессорамъ, при чемъ Харьковскій университетъ имѣлъ въ виду и
штаты Дерптскаго и Виленскаго университетовъ. Мѣстные условія
г. Харькова во многихъ отношеніяхъ также являются причиною стѣ-
сненнаго состоянія членовъ университета. Квартиры весьма дороги, а
особенно въ недалекомъ разстояніи отъ университета. Для имѣющаго
семейство наемъ и отопленіе квартиры, удовлетворяющей только самымъ
необходимымъ хозяйственнымъ потребностямъ, стоитъ болѣе 1000 р.
Весною и осенью, а нерѣдко и зимою улицы въ городѣ столь грязны,
что университетскіе чиновники, имѣющіе квартиры не вблизи самаго
университета, принуждены для сбереженія здоровья держать экипажъ;
кроме содержанія и самое неприхотливое обзаведеніе имъ требуетъ
издержекъ, даже при всемъ возможномъ ограниченіи расходовъ по дру-
гимъ потребностямъ, чрезвычайно обременительныхъ. Предполагаемая
по новому штату столь значительная сумма на содержаніе строеній
необходима, такъ какъ и цѣны на дрова и пр. возвысились и зданія
университетскія сдѣлались несравненно обширнѣе прежняго. Излагаемыя
здѣсь обстоятельства извѣстны Вашему Превосходительству и потому

университетъ покорнѣйше просить особеннаго ходатайства со стороны Вашего Превосходительства, дабы высшее начальство удостоило благосклоннаго вниманія замѣчаніе университета“. Однако Попечитель, представляя эти замѣчанія Совѣта, не поддержалъ ихъ, а наоборотъ заявилъ, что онъ во многомъ не согласенъ съ мнѣніями Совѣта, но излагаетъ своихъ замѣчаній, чтобы не задерживать Совѣтскаго представленія ¹⁾).

Впрочемъ повидимому никакихъ замѣчаній онъ и не представилъ по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ нѣтъ на нихъ никакихъ указаній. Да вообще нужно сказать, что дѣло о введеніи новыхъ штатовъ тянулось до 1835 года, когда они были утверждены вмѣстѣ съ уставомъ. Такимъ образомъ, матеріальное положеніе профессоровъ все это время оставалось въ высшей степени печальнымъ и необезпеченнымъ. Неудивительно, что эта необезпеченность принуждала профессоровъ изыскивать себѣ еще и другіе источники доходовъ:—заниматься преподаваніемъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, давать частные уроки, предаваться усиленно медицинской практикѣ, держать пансіонеровъ и т. п.

Особенно сильное развитіе получило пансіонерство, впослѣдствіи сдѣлавшееся язвой университетской жизни, противъ которой должны были вооружиться лучшіе представители профессорской коллегіи. Само по себѣ частные уроки профессоровъ и пансіонерство еще не были предосудительны; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были сущимъ благодѣніемъ для студентовъ, но они могли сопровождаться (и дѣйствительно сопровождалась) незаконными льготами и поблажками на экзаменахъ, что, конечно, деморализировало и учащихся, и учащихся и набрасывало неблагопріятную тѣнь на весь университетъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ былъ вполне добросовѣстенъ въ дѣлѣ пансіонерства, другіе завидовали его выгодамъ и могли распускать о немъ неблагопріятные слухи. Доказательство этого представляетъ автобіографія Т. Степанова. Разсказавъ о томъ, что товарищи старались выставить его въ дурномъ свѣтѣ передъ помощникомъ попечителя кн. Цертелевымъ, онъ прибавляетъ. „Къ этому присоединилась зависть профессоровъ къ нѣкоторымъ моимъ выгодамъ. При вступленіи въ университетъ (профессоромъ) два года я не имѣлъ у себя студентовъ и не хотѣлъ ихъ имѣть. Но потомъ былъ убѣжденъ совѣтами расположенныхъ ко мнѣ людей. Кузинъ первый далъ мнѣ своего сына подъ надзоръ съ платою по 2500 р. въ годъ. Затѣмъ поступили ко мнѣ другіе студенты; я получалъ отъ нихъ большею частью по 1500 р. Впрочемъ я былъ весьма остороженъ

¹⁾ Харьк. унив. Архив. Д. пош. № 529, 27.

пріемъ ихъ. Какъ скоро я навѣрное зналъ, что кто-либо велъ себя
плохо и худо занимался, я всегда отказывалъ такому, и черезъ это я
лишенъ былъ многихъ выгодъ. Все таки случалось, что у меня бывали
студенты и довольно лѣнныя и не слишкомъ одобрителной нравствен-
ности. Скромный образъ моей жизни заставлялъ многихъ думать, что я
получалъ большія деньги, но мой капиталъ былъ далеко не тотъ, кото-
рый былъ предполагаемъ посторонними. Я наблюдалъ очень плохо эко-
номію и ничего не щадилъ какъ для себя, такъ и для студентовъ, это
дело меня къ большимъ издержкамъ. Притомъ я дѣлалъ благотворенія, ни-
кому не извѣстныя. Князь Цертелевъ много повредилъ моимъ выгодамъ,
пріятельскими меня нѣкоторыми способами. Надзоръ мой за студентами былъ
очень отчетливый, я не щадилъ для нихъ даже своего здоровья, я
породилъ каждымъ изъ нихъ, и употреблялъ къ пользѣ ихъ все, что
могъ. Нѣкоторые доходы давала Т. О. Степанову опека надъ малолѣтними
дѣтьми одного изъ его пріятелей. Вотъ что говорить онъ объ этомъ.
Въ 1838 годъ составилъ новую эпоху моей жизни. Передъ этимъ принялъ
на себя новое тягостное бремя—это опеку надъ малолѣтними Кожев-
никовыми. Я былъ близкимъ пріателемъ ихъ отца, я его любилъ, уважалъ
искренно. Ласковые пріемы его и его жены въ началѣ пріѣзда моего
въ Петербургъ (они въ то время были тамъ) были для меня незабвенны.
Никто не хотѣлъ быть опекуномъ, вѣроятно, боясь столкнуться съ не-
пріятными отношеніями къ родственникамъ Кожевниковыхъ. Я прене-
брегъ все, желая быть полезнымъ дѣтямъ-сиротамъ. Я далъ себѣ клятву
вести опеку самымъ честнымъ, благороднымъ образомъ. И дѣйствительно
я былъ таковъ. Я рѣшительно ничѣмъ не пользовался, платилъ даже
за наемъ дома дѣтей по 2000 р., а потомъ по 1500 р. въ годъ. Первымъ
предметомъ было сохранить капиталы ихъ и доставить имъ воз-
можно лучшее воспитаніе. Ни въ томъ, ни въ другомъ не можно обвинить
меня, совѣсть моя чиста. По духовному завѣщанію, начальница, бывшая
близко знакома съ покойнымъ Кожевниковымъ, могла имѣть вліяніе на
воспитаніе дѣтей. Я, замѣтивъ ея нѣкоторыя самовластные и почти
предныя дѣйствія для опеки, разсорился съ нею и устранилъ ея вліяніе.
Это мнѣ стоило многихъ непріятностей. Генераль-губернаторъ Стро-
гановъ хотѣлъ закрыть весь домъ Кожевниковыхъ, предложивъ удалить
дѣтей на какую либо квартиру. Страшась разстройства и потерь въ
имѣніи, которыя были бы неизбежны, и дорожа спокойствіемъ и здоровь-
емъ дѣтей, я возсталъ противъ этого намѣренія, успѣлъ отклонить его,
но за то навлекъ на себя нерасположеніе генераль-губернатора. Тоже
произошло и съ другимъ генераломъ губернаторомъ Кн. Долгоруковымъ.
По взысканію долговъ опеки потомъ я навилъ себѣ страхи и огорченія.

Съ гувернантками, большею частію не соотвѣтствовавшими моимъ вѣрніямъ и распоряженіямъ, я имѣлъ нерѣдко досады и непріятности. Къ этому надо присоединить разныя притязанія Сиротскаго суда. Все это много возмутило мой покой, сокрушая мое слабое здоровье“.

Изъ воспоминаній Н. И. Костомарова, бывшаго студентомъ Харковского университета въ 33—35 г.г., мы узнаемъ, что имѣлъ пансіонеровъ и проф. П. Сокальскій, и проф. Гулакъ-Артемовскій. У Сокальскаго положеніе пансіонеровъ было превосходное.

„Меня помѣстили, пишетъ Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи, у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго. Я попалъ къ нему совершенно случайно. Не предполагая прежде помѣститься у этого профессора, я отправился къ нему вмѣстѣ со своимъ учителемъ поговорить на счетъ вступительнаго экзамена изъ латыни, въ которой я себя чувствовалъ недостаточно крѣпкимъ послѣ уроковъ Андрея Ивановича Бѣлинскаго. И мнѣ, и моему учителю Петръ Ивановичъ такъ понравился, что, выходя отъ него, мы рязсудили, что всего лучше мнѣ помѣститься у этого профессора. Передавши нашу мысль моей матери, мы снова отправились къ Сокальскому и договорились съ нимъ о квартирѣ. Окончивъ вступительный экзаменъ по всѣмъ предметамъ, я простился съ матерью и моимъ деревенскимъ учителемъ, уѣхавшими домой, а самъ остался въ домѣ Сокальскаго. Мнѣ дали отдѣльную комнату въ особомъ флигелѣ, въ которомъ кромѣ меня было четверо студентовъ, проживавшихъ у Сокальскаго также въ отдѣльныхъ комнатахъ. Содержаніе и обращеніе съ нами было очень хорошее; одно только нѣсколько беспокоило меня: Сокальскій не дозволялъ курить табакъ и это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, всунувши для куренія трубку въ верхній душникъ печи, нечаянно зажегъ сажу и самъ испугался; едва потушили и не допустили до пожара; но послѣ того Сокальскій махнулъ рукою и сказалъ: „лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете!...“. Семейство Сокальскаго состояло тогда изъ жены, трехъ малолѣтнихъ сыновей и старой тещи, женщины, чрезвычайно доброй и любимой всѣми студентами. Эта послѣдняя по имени Надежда Емельяновна, осталась у меня въ памяти, какъ типъ старой добродушной малороссіянки. Она говорила со всѣми не иначе какъ по малорусски, очень заботилась о выгодахъ квартирантовъ и по воскресеньямъ сама пекла и приносила намъ на завтракъ превосходные пирожки. Уже много лѣтъ, еще до женитьбы Сокальскаго на ея дочери, она содержала у себя квартирантовъ студентовъ и хвалилась тѣмъ, что ее называли „студентска мати“. Въ числѣ ея бывшихъ нахлѣбниковъ былъ знаменитый Остроградскій, о которомъ ова

страняла благоговѣйное воспоминаніе, какъ о лучшемъ изъ юношей, ея проживавшихъ¹⁾. Н. И. Костомаровъ и не нуждался въ помощи проф. П. И. Сокальского, и не пользовался ею. Съ августа 1835 г. И. Костомаровъ перешелъ на квартиру къ проф. П. П. Гулаку-Артемовскому. „Дворъ Артемовскаго-Гулака, говоритъ онъ, помѣщался почти при оконечности города на одной изъ улицъ, выходившихъ въ поле. Проминувши нѣсколько дворовъ, можно было достигнуть стараго кладбища съ небольшою церковью... Самъ П. П. Гулакъ-Артемовскій помѣщался въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, выходившемъ садомъ на улицу, а внутри довольно нарядно убранномъ. Студенты были размѣщены въ двухъ флигеляхъ, стоявшихъ на дворѣ; въ одномъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ 2-хъ комнатъ, жило двое студентовъ: Девицкій и я“²⁾.

Благодаря сравнительно льготнымъ условіямъ пенсіи, семьи профессоровъ Харьковскаго университета получали нѣкоторое матеріальное безпеченіе. Такъ, напримѣръ, можно было получить пенсію за службу отъ 5 до 15 лѣтъ: на основаніи утвердительной грамоты и дополнительнаго Высочайшаго указа 31 марта 1811 года и вдова такого профессора, и ея дѣти получали единовременно по полному окладу его жалованья и въ пенсію по $\frac{1}{5}$ доли его. На этомъ основаніи вдова и дѣти профессора Ванноти получили по 2.000 руб. единовременно и по 200 р. ежегоднаго пенсіона³⁾.

Проф. Шумлянскій въ 1817 году уволился отъ службы по слабости здоровья и въ особенности зрѣнія и получилъ при увольненіи долговременную и безпорочную службу (48 лѣтъ) въ пенсію полный окладъ жалованья, т. е. 2.000 р.⁴⁾

16 декабря 1832 года былъ изданъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, предоставившій новыя льготы на пенсію *заслуженнымъ* профессорамъ, каковыми признаны лица, прослужившіе 25 лѣтъ учебной службѣ въ университетѣ. Они могли поступать на новую службу и получать на ней жалованье, сохраняя свою пенсію. Они не могли только претендовать на вторую пенсію, если бы таковую выслужили, но если бы она была больше первой, то могли просить о зачисленіи въ вторую первую. Если бы заслуженный профессоръ пожелалъ занять магистратскую кафедру въ университетѣ, то онъ долженъ былъ подвергнуться

¹⁾ Литературное наслѣдіе, стр. 18—19.

²⁾ Ibidem, стр. 23.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. сов. 1819 г. № 36.

⁴⁾ Ibid, 1817 г. № 16.

всѣмъ установленнымъ на сей случай правиламъ (выбору въ совѣтъ) тогда получалъ по ней окладъ, сохраняя и пенсію¹⁾.

Въ 1833 году получали пенсіи слѣдующіе преподаватели и чиновники Харьковскаго университета, ихъ вдовы и дѣти: Курдюмовъ 539 р., вдова учителя музыки Кона—100 р., Ольденбургеръ 346 р. 50 к., дѣти Туранскаго 181 руб. 49¹/₄ коп., Фесенко 297 руб., бывший профессор Стойковичъ—990 р., Борзенко—1960 р., Тимковскій—990 р., учитель Беккеръ—247 р. 50 к., Книгина—500 р., Срезневская—990 руб., Филмафитская—1000 руб., Ванноти—396 руб., г-жа Пилльеръ—500 руб., г-жа Дрейсиъ—396 р., Куницкая—480 р., Дьячкова—400 р., Калькау—158 р. 40 к., дочь Делявина—495 р., дѣти Осиповскаго 500 р., вдова Беккеръ—100 руб. Всѣ эти пенсіи выдавались изъ специально предназначенной для этого по штату суммы²⁾. Всего выходило 11566 р. 90 к. (не считая единовременныхъ пособій).

Тяжело было однако вслѣдствіе общаго кризиса матеріальное положеніе даже такихъ отставныхъ профессоровъ, которые получали полную пенсію и имѣли, состоя на службѣ, нѣкоторые дополнительные доходы. Въ этомъ можно убѣдиться, напримѣръ, изъ прошенія проф. Шумлянского, которое онъ подалъ Министру Народнаго Просвѣщенія. „Позвольте Ваше Сіятельство, покорнѣйше васъ просить взглянуть на послужной мой списокъ при департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣющійся и принять во уваженіе состояніе человѣка, въ службѣ состоявшагося и не имѣющаго до сихъ поръ въ виду ничего, кромѣ одной невзрачной, къ счастью непродолжительной будущности.

Въ 1811 году представленъ былъ я отъ университета г. Министру на утвержденіе меня въ званіи заслуженнаго профессора, но мнѣ было отказано, потому что уставомъ предписано прослужить до такого наименованія 25 лѣтъ; университетъ же и самъ считалъ себя тогда только 7 лѣтъ отъ роду. Ясно, кажется, что таковое постановленіе сдѣлано не для насъ русскихъ, служившихъ до вступленія въ университетъ по другимъ учебнымъ мѣстамъ одинъ другого болѣе. Таково однако было рѣшеніе г. Министра, повергнувшаго стараго слугу въ крайнее уныніе и притомъ въ возрастѣ, ободренія требующемъ. Но этого еще не довольно было для усиленія моего прискорбія: шесть лѣтъ продолжаю служеніе наряду съ бывшими моими по медикохирургической академіи учениками, кои и были здѣсь профессорами. Это обстоятельство и пріятно для меня, и больно; больно потому паче, что они недавно

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3372/208.

²⁾ Ibid., Д. правл. № 3372/208.

произведены, оставивъ черезъ то стараго своего профессора позади себя безъ всякаго награжденія, слѣдовательно, явно въ пренебреженіи. Совѣсть моя толкуеть однако, что я такой обиды не заслужилъ и тѣмъ менѣе, что я всегда стоялъ за честь университета, чѣмъ и пріобрѣлъ для себя притѣснителя. Справедливо впрочемъ, что чины не льстятъ уже слѣдой головѣ, и то однако правда, что безвинно оплеванный ветеранъ всякаго сожалѣнія достойнѣе, который притомъ давно и крѣпко терпитъ съ семействомъ по недостаточному нынѣ окладу и при долгахъ. Кому подъ 70 лѣтъ, тотъ вѣрно имѣеть нужду въ покоѣ, слѣдовательно, въ отставкѣ съ полной пенсіей и, по трудности времени, съ квартирными деньгами, но который безъ предварительнаго единовременнаго за 48 лѣтъ службы приличнаго денежнаго награжденія никакъ не можетъ ея просить.

Ваше Сіятельство! На семъ единственно остановились всѣ мои желанія; помогите безпомощному коликъ возможно, исполненному къ особѣ вашей глубочайшаго высокопочитанія (Харьковъ, 31 марта, 1817 г.)¹⁾.

Министръ не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбы Шумлянского о выдачѣ единовременной награды и обращеніи въ пенсію квартирныхъ денегъ, а только исхлопоталъ ему полную пенсію.

Еще болѣе печально было положеніе нѣкоторыхъ преподавателей, уволенныхъ безъ пенсіи.

Грустное впечатлѣніе производитъ эпизодъ дѣла, производившагося въ Правленіи университета, о выдачѣ послѣдняго жалованья адъюнкту Болгаревскому, удаленному, какъ мы знаемъ, изъ университета за его строптивый характеръ. Это былъ очевидно, бѣднякъ, ничего не имѣвшій. Декану своего факультета Книгину онъ написалъ слѣдующее письмо: „получивъ при увольненіи моемъ изъ университета паспортъ для проживанія, обращаюсь къ Вамъ, какъ къ декану съ покорнѣйшей просьбой объ исходатайствованіи мнѣ свидѣтельства по службѣ моей въ университетѣ равно и о выдачѣ по день моего увольненія, т. е. по 2-е число октября прошедшаго года причитающагося мнѣ жалованья и квартирныхъ денегъ. Извѣстная мнѣ *сострадателность* ваша къ бѣдствующимъ невинно обнадеживаетъ меня совершенною увѣренностью, что Вы не откажете мнѣ Вашимъ въ семъ дѣлѣ пособіемъ“ (20 января 1817 г.). Другое письмо Болгаревскій написалъ ректору Т. Θ. Осиповскому. „Я надѣюсь, что Вы уже получили рапорты о сдачѣ фармацевтической лабораторіи и о возвращеніи книгъ въ Библіотеку. Кажется мнѣ, что теперь уже нѣтъ причинъ содержать меня подъ смотрѣніемъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. пош. № 402/20.

„Записки Императ. Харьк. Универс.“

полиціи. Покорнѣйше прошу Васъ сообщить полицмейстеру, мнѣ не было препятствія отлучиться на короткое время для свиданія со своими родными. Признаюсь Вамъ откровенно, что я *нуждаюсь* *в* *вседневномъ пропитаніи*, почему нетерпѣливо ожидаю совершенно своего отпуски и прошу Васъ не задерживать меня до глубокой осени. Правленіе выдало причитавшіеся ему 86 р. 91¹/₄ к.¹⁾—очевидно, единственный и послѣдній ресурсъ.

Гдѣ и какъ устроился Болгаревскій, мы не знаемъ; а печальной памяти ректоръ Стойковичъ сумѣлъ добиться и пенсіи, и чина действительнаго статскаго совѣтника, и занять должность по министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (члена непремѣннаго присутствія департамента государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій). Умеръ онъ въ 1832 г. оставивъ вдову и 2-хъ дѣтей. Сынъ его Януарій пожертвовалъ библиотеку своего отца въ 1835 г. Одесскому лицее²⁾.

Сумѣлъ заблаговременно составить себѣ состояніе и Шадъ, умевшій безъ пенсіи и тщетно добивавшійся ея въ теченіе многихъ лѣтъ. При удаленіи изъ Харькова, онъ вошелъ въ правленіе въ 1816 г. съ ходатайствомъ объ утвержденіи его духовнаго завѣщанія. „Дать и писать онъ тамъ, женѣ моей полную довѣренность распоряжаться моими вещами по законамъ Россійской Имперіи, такъ какъ мнѣ велѣно немедленно выѣхать изъ государства. Но это распоряженіе должно быть таково, чтобы ни у меня, поколь живу, ни у моихъ дѣтей не было ничего отнято. Чтобы отвратить всякій могущій произойти объ этомъ споръ, я объявляю волю мою слѣдующимъ образомъ: такъ какъ здоровье мое такъ ослаблено, что я нахожусь ежедневно въ опасности умереть, и сей долгій и безпокойный путь, предприемлемый по повелѣнію справедливѣйшаго и человеколюбиваго Императора, еще болѣе представляетъ мнѣ опасности, то я объявляю, что если что со мной по человечеству случится, то все мое имѣніе послѣ моей смерти должно быть раздѣлено на три части, такъ чтобы одну треть получила жена моя, другую—сынъ, третью—дочь. Такъ какъ я совершенно увѣренъ, что я или насильственной, или естественною смертію въ дорогѣ, то поручаю университету, членомъ котораго я былъ и для пользы чести котораго трудился денно и ночью, это важное дѣло, приближаюсь къ смерти, надѣясь, что если нѣкоторые при жизни моей все къ побелѣ моей сдѣлали, то по смерти моей по крайней мѣрѣ примирятся съ наилучшею женою моею и моими дѣтьми. Относительно меня ничего не нужно, но я желаю по крайней мѣрѣ, чтобы послѣ моей смерти

¹⁾ Харьк. универ. архивъ. Д. Правл. № 1171/53.

²⁾ Арх. М. Н. Пр. № 6005/159.

...изана была справедливость тѣмъ, коихъ я оставляю и кои мои суть
всегда“.

Правленіе постановило передать это духовное завѣщаніе для
тѣхъ разсмотрѣнія въ Слободско - Украинское губернское прав-
леніе ¹⁾.

Положеніе самого Шада въ матеріальномъ отношеніи за границей
было весьма печальное, особенно въ послѣдніе годы его жизни. Попе-
читель Харьковскаго учебнаго округа А. А. Перовскій официально
свѣдѣлъ въ 1828 году, что онъ видѣлъ за границей 70-ти-лѣтняго
Шадъ въ очень плачевныхъ обстоятельствахъ, и считалъ спра-
ведливымъ назначить ему единовременно 10000 р. и затѣмъ выдавать
1000 руб. ежегодной пенсіи: онъ былъ экстраординарнымъ профес-
соромъ въ Іенѣ, но жалованья не получалъ ²⁾.

Обращаетъ на себя вниманіе наше большое число профессоровъ,
увольняемыхъ безъ прошенія въ отставку: Шадъ, Болгаревскій, Нельде-
въ (въ 1818 г.), Осиповскій, Васильевъ и Венедиктовъ; по старости
или по совершенно разстроенному состоянію здоровья съ пенсіей сами
ушли — Борзенковъ, Затеplinскій, Шумлянскій, Еллинскій; по стол-
бованію съ университетскимъ начальствомъ безъ пенсіи Брандейсъ;
ушли добровольно — Чановъ, Склабовскій, Золотаревъ; умерли — Кни-
говъ, Пильгеръ, Делявинъ, Ванноти (1 февр. 1819 г.), Дрейсигъ (30
марта 1819 г.), Каменскій (9 августа того же года), Срезневскій (12
сентября того же года), Гонорскій (14 авг. того же года), Успенскій (10
октября 1820 г.) Богородицкій (20 февр. 1826 г.), Дудровичъ (25 мая
1830 года) Куницкій (29 іюля 1831 г.), Филомафитскій (6 апр. того
же года), Дьячковъ (6 сент. того же года); Даниловичъ и Цыхъ пере-
ѣхали въ Кіевскій университетъ, Дегуровъ въ Петербургскій.

Представимъ теперь краткія данныя о бытѣ, правахъ и нрав-
ственномъ вліяніи профессоровъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ
другъ къ другу. Частной жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ мы коснемся
только въ такой мѣрѣ, въ какой она отражалась, прямо или косвенно, на
ихъ преподавательской и научной дѣятельности. Едва ли нужно дока-
зывать, что и подобные факты не могутъ быть опущены въ трудѣ,
программа котораго захватываетъ всѣ стороны стараго университетскаго
быта. Во всѣ моменты университетской жизни профессора имѣли нрав-
ственное вліяніе на своихъ слушателей и мѣстное общество, и историкъ
не можетъ попытаться опредѣлить хотя приблизительно силу этого вліянія;

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 1170/53.

²⁾ Д. И. Багалъя—Удаленіе проф. И. Е. Шада, X. 1899 г., стр. 139—140.

а оно находилось въ связи съ общимъ нравственнымъ уровнемъ профессорской среды, съ большимъ или меньшимъ числомъ положительныхъ или отрицательныхъ въ этомъ отношеніи личностей. Для Харковского университета не прошли безслѣдно частныя коммерческія предпріятія его ректора Стойковича, занимавшагося продажей контрабанднаго вина; равнымъ образомъ не оставалась безъ результатовъ положительная дѣятельность такихъ чистыхъ людей, какъ Рижскій Осиповскій.

Долго останавливаться впрочемъ на этомъ мы не будемъ, а представимъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ, основанныхъ на достовѣрныхъ источникахъ.

Въ 1-мъ томѣ своего труда мы пользовались для біографіи Г. Успенскаго воспоминаніями его сына, относившимися къ первымъ годамъ его профессуры. Приведемъ теперь выдержки изъ нихъ, относящіяся къ самому послѣднему періоду его жизни. Рисуя домашнюю, частную и семейную жизнь своего отца, В. Успенскій вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ ключъ къ уясненію переменъ въ его характерѣ, отразившейся веселымъ замѣтнымъ образомъ и на его ученой дѣятельности, и на отношеніи его къ учащейся молодежи. „До сихъ поръ учебная звѣзда отца моего говоритъ В. Успенскій, свѣтила ярко но съ появленіемъ въ нашемъ домѣ племянницы моей матери, звѣзда эта начала блѣднѣть. Періодъ памятенъ въ моей студенческой жизни!—Въ этой пожилой, некрасивой дѣвушкѣ было ничего особеннаго, кромѣ бойкости, услужливости и проворства. Объявивши, что пріѣхала на короткій срокъ, чтобы только поцѣловать дорогую тетиньку, какъ наивно выражалась она, эта гостя безцеремонно водворилась у насъ навсегда, прибрала къ рукамъ все хозяйство, а потомъ и все семейство. Отецъ мой, не имѣвшій никогда сблизившись женскимъ обществомъ, поставилъ себя, съ самаго начала въ почтительное предъ ней отношеніе, поэтому она скоро завладѣла его довѣріемъ такъ, что безъ ея рѣшенія ничего не дѣлалось. Не только относительно экономіи, которою она управляла безотчетно, и относительно выведенныхъ въ глубину картины, но ея совѣтъ спрашивался и во всемъ, что относилось къ матери и самому отцу. И повело же это обаяніе къ дурному, потащило оно все семейство къ гибели и втокнуло самого отца въ преждевременную могилу! Смерть его отняла у тѣснаго круга тогдашнихъ ученыхъ неутомимаго дѣятеля науки, опытнаго педагога, зоркаго наставника и вѣрнаго товарища.

Добрый отецъ, слѣпо довѣрившись дурному человѣку, навелъ тѣмъ на свои послѣдніе годы, на тѣ годы, которые въ апогеѣ его заслуженной извѣстности должны бы были свѣтлѣть и ярче. Все шло обычен-

и постороннему казалось, что ничего не измѣнилось въ нашемъ бытѣ: также рано вставалъ мой отецъ и поздно ложился, точенъ былъ онъ въ отправленіи должности. Но въ самомъ дѣлѣ не такъ. Правда, вставалъ отецъ, какъ и всегда, очень рано и ложился поздно, но занятія его прерывались непрерывными приходами къ нему племянницы. На должность отправлялся отецъ мой всегда исправно, но возвращался домой ранѣе прежняго и часто раздосадованный, чего не бывало прежде. Въ домѣ повидимому, тоже было, но мы, были разрознены, запуганы и не смѣли пикнуть. Еще скучнѣй, еще тѣснѣй стало у насъ въ домѣ; но отцу примѣтно повеселѣло; онъ вздыхалъ, легче вдумывался, церковное пѣніе и молитвенныя чтенія прекратились. Скоро онъ такъ привыкъ къ племянницѣ, что если ея долго не было съ нимъ, онъ звалъ ее. Это быстро вело къ разладу ея въ домѣ надо всѣми и къ вліянію надъ нимъ самимъ. Переходъ отца къ новому порядку иногда пробуждалъ въ немъ сожалѣніе о прежнемъ, повергалъ его въ тоску, бездѣйственность и уныніе. Это бывало вначалѣ. Тетка была лишена свободы и не могла безъ позволенія выходить изъ своихъ комнатъ; съ матерью заточалась и сестра моя. Я былъ отлученъ отъ отца, при которомъ долго слылъ почетною принадлежностью; за неповиновеніе новой главѣ, я лишенъ былъ его ласкового слова и бездокладнаго къ нему входа. Скоро и гости измѣнились рѣже, и просители обратились къ другимъ вліятельнымъ лицамъ. Жертва, за жертвой падали мы отъ ея жала. Первой жертвой оказалась бѣдная сестра моя, отданная за Куницкаго, только что приехавшаго изъ Москвы на кафедру греческаго языка. Человѣкъ этотъ, бывшій въ Харьковѣ, никого не имѣлъ знакомыхъ, кромѣ тѣхъ покровителей, съ кѣмъ пріѣхалъ изъ Москвы; Куницкій вошелъ въ нашъ домъ ученый, но бѣдный до пролетаризма и стиснутый его тисками до извѣстности. Бѣднякъ искалъ опоры и пріюта. Моему отцу пріятнымъ казалось, что къ нему прямо обратился, въ немъ одномъ искалъ ученый извѣстности; но я и братъ непривѣтливо обходились съ нимъ. Мать и сестра едва-ли болѣе разу видѣли его. И вдругъ, къ общему всѣхъ удивленію, сестрѣ было объявлено, что этотъ господинъ—нареченный женихъ и что ему уже дано слово за нее. Озадаченная дѣвушка не могла еще въ себя отъ испуга, какъ начались приготовленія къ свадьбѣ и скорѣе потомъ совершился бракъ. Много ли было данныхъ къ сознанію супружескаго благополучія молодыхъ? Нисколько! Они не имѣли разныхъ о всемъ понятія, объяснялись неодинаковымъ языкомъ, неодинаково чувствовали, не одно видѣли впереди, но они скоро поняли, что ошиблись, обманулись, сведены поневолѣ, почти насильно

и потому отвернулись одинъ отъ другого. Мужъ пренебрегъ неразвитую жену, жена оскорбилась насмѣшливостью мужа. Отецъ не замѣчалъ переменъ и ласкалъ зятя и дочь. Это показалось Фіонѣ опаснымъ для ея самовластия: она задумала удалить ихъ. Ей удалось это чрезвычайно легко: стоило внушить доверчивой женщинѣ, что причиной холоднаго мужа—незавидное помѣщеніе ихъ во флигелѣ подъ глазами отца, что пора имъ имѣть свою собственность, что непременно отецъ отдѣлитъ ихъ, какъ только о томъ они оба попросятъ его. Легковѣрная дочь приняла этотъ совѣтъ, считая его за искренній и своевременный, а потому упростила мужа написать письмо къ отцу объ отдѣлѣ. Между тѣмъ Фіона работала противъ нихъ, напѣвая отцу о непочтительности зятя, о расположеніи его къ женѣ, о ея увлеченіи имъ и отдаленіи отъ родителей, и наконецъ объ ихъ дерзкомъ замыслѣ требовать обѣщаннаго отдѣла. Естественно, что отецъ встревожился и приготовился къ отпору, и какъ только несчастная дочь начала говорить объ этомъ и подавала письмо мужа, то онъ прогналъ ее, запрета показываться къ себѣ въ глаза. Слѣдствіемъ этого была опасная продолжительная болѣзнь сестры, полное охлажденіе къ ней мужа и начало его губительнаго пристрастія къ вину. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ замужества сестры, умерла моя мать, умерла скоростижно въ запертой Фіоною комнатѣ... Смерть ея развязала Фіону: она дѣйствовала уже настойчиво, грубо. Но это самое пробудило въ отцѣ осмотрительность: онъ увидѣлъ свою оплошность. Опять принялся за вздохи, молитвы и кабинетную замкнутость. Цѣлыя дни проходили, Фіонѣ не отворялась дверь кабинета, и только при встрѣчѣ съ отцомъ она успѣвала задерживать его на нѣсколько словъ. Но это не могло исправить испорченнаго. Главной порчей дѣла отца было то, что наши домашніе учителя—студенты знали всю замкнутость нашу, разносили о ней молву съ прибавленіями и, наводя густую тѣнь на имя отца, вызывали недовольныхъ. Ихъ расказнямъ помогли отказы посѣтителемъ и нетерпѣливость съ просителями; то и другое устраивала злая женщина, а оно вызывало ропотъ и пасквили. Отецъ досадовалъ, недугъ его усиливался отъ раздраженія и доводилъ до такой усидчивости въ замкнутомъ на ключъ кабинетѣ, что часа по два и по три онъ не выходилъ оттуда. А это—то и нужно было Фіонѣ: къ ней являлись друзья монахини, уносили и увозили большіе узлы съ бѣльемъ, платьемъ и разными вещами. Отецъ не наблюдалъ за этимъ, давно хозяйство вышло изъ его рукъ, а если когда и видѣлъ такую выгрузку изъ кладовыхъ, то вздыхалъ, молчалъ, но не давалъ замѣтить, что видѣлъ. Промышленность эта длилась болѣе году, по самую его кончину. Куда кому передавали услужливыя инокини земное стяженіе, которое такъ

иногда стегивали у насъ, я никогда узнать не могъ. Вернулись къ прежнѣ скорбные дни его, вернулись со страшнымъ налетомъ. Страдальческое сердце, затомилась благородная душа ученого. Крушило его своеволие хищницы, крушило отчужденіе любимыхъ друзей и холодность товарищей, крушили подбрасываемые пасквили; капризность ихъ обижала, мучила его. Бѣднякъ силился поправить обращеніемъ къ прежней своей дѣятельности, неутомимо работалъ въ кабинетѣ, неупустительно выполнялъ обязанности по службѣ; но не помогало: онъ оставался одинокимъ и терзался. Между тѣмъ, упорная борьба въ моемъ отцѣ, ослабляя въ немъ книжную духовность, вызывала наружу прежде незамѣтные черты его характера. Въ мрачной мрачности духа, въ досадѣ на самого себя, неподкрѣпляемый любовью и преданностью, тревожимый домашнимъ разгромомъ, онъ уже нравственно дѣйствовалъ на окружающихъ, но былъ ихъ грозой. Непослѣдственнымъ этому служить поведеніе тогдашнихъ казеннокоштныхъ студентовъ подъ его инспекціей, ненавлекшее на себя во все время жизни ни самаго малѣйшаго укоризны, и боязнь своекоштныхъ быть признанными къ объясненію предъ строгаго инспектора. Бѣда, бывало попасть къ нему, какъ говорили, на исповѣдь! Самый процессъ такой исповѣди называли мытьемъ головы. И въ самомъ дѣлѣ, въ поту, а иногда и въ слезахъ выходилъ отъ него кающійся. Появленіе отца, особенно внезапное, наводило что-то похожее на панику: каждый встрѣчающійся старался охороситься или укрыться.

Не могу навѣрное сказать, когда именно отецъ мой получилъ почетный титулъ заслуженнаго профессора; знаю только, что онъ ему былъ очень пріятенъ. Тогда титулъ этотъ былъ диковинный: только носили это отличіе—мой отецъ и другой профессоръ въ Казанскомъ университетѣ. Намъ же дѣтямъ казалось, что и на насъ онъ распространяетъ славу учености и мы гордились имъ, какъ личнымъ пріобрѣтеніемъ. Я вѣренъ до самоотверженія исторической истинѣ, и не смѣю насмѣшекъ за свою прошлую несмѣтливость.

Далеко было еще до запада моему отцу, но обстоятельства ускорили закатъ его. Въ лѣта силы и здоровья его закаркалъ могильный камень на кровлѣ нашего дома; и сбылось скоро черное предвѣщаніе. Въ домъ вслѣдъ шли и другіе. Ежедневными гостями отца моего сдѣлались Федоръ Никитичъ Еллинскій и Василій Сергѣичъ Комлишинскій; вольнопрактикующій докторъ, другой профессоръ университета. Утромъ и вечеромъ они бывали у насъ и засиживались по нѣскольку часовъ. Ни я, ни братъ въ это время не входили въ кабинетъ безъ зова, только для полученія приказаній. Посѣщенія ихъ были зловѣщи;

отецъ день отъ дня становился задумчивѣй и грустнѣй, падалъ духомъ, ходилъ повѣся голову. Насъ мучило предчувствіе, мы ждали чего-то страшнаго, не могли ничѣмъ развлечься и безъ видимой причины плакали навзрыдь. Мѣсяца два продолжалось такое непонятное состояніе нашего духа; но вотъ заболѣлъ отецъ и заболѣлъ тяжело. Врачемъ его постоянно былъ тотъ же Еллинскій. Видя бесполезность его рецептовъ, мы отважились умолять отца пригласить другого доктора, изумился мученикъ просьбѣ плачущихъ дѣтей, но согласился и черезъ жившаго у насъ студента И. И. Савина былъ приглашенъ достойнѣйшій профессоръ и докторъ Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ. Но было уже поздно: при второмъ визитѣ, въ одинъ и тотъ же день, онъ предложилъ созвать консилиумъ и послать за духовникомъ. То и другое немедленно исполнено тѣмъ же Савинымъ. Теперь уже не темное предчувствіе, а ясное сознание грозящей бѣды и видимо неотвратимой заставляло насъ плакать. Сидя поочередно съ братомъ надъ страдальцемъ, мы заливались слезами, подавая лѣкарство; дыханіе его слабѣло, прерывалось. Силы оставались больного; онъ гасъ, какъ гаснетъ догорающая свѣча. Давно онъ ничего не ѣлъ и уже съ трудомъ глоталъ лекарство, и безъ посторонней помощи не могъ шевельнуться.

Превосходный изъ соборныхъ священниковъ, протоіерей Андрей Прокоповичъ, всегдашній духовникъ нашей семьи, восторженно любимый нами, навѣщалъ безнадежно больного въ предсмертные дни и вливалъ въ него утѣшеніе вѣры. При всемъ изнеможеніи, больной ловилъ слово своего мудраго утѣшителя, онъ насыщалъ себя его бесѣдой, запасался въ дальній путь его наставленіями. Я весь тогда превращался въ слушателя и теперь еще помню его слова, сказанныя въ предпоследнее посѣщеніе. „Смерти нечего бояться, ея нѣтъ и быть не можетъ,—говорилъ Прокоповичъ: живъ Творецъ нашъ, должны быть живыми и мы. Рожденіе наше есть путь ко гробу; гробъ—колыбель, въ которой тѣло проспитъ долго и безсмертной душѣ привидятся сладкіе сны и, по милосердію вѣчнаго Бога, она призовется къ дѣйствительной жизни, и жизнь ея освѣтитъ Спаситель міра. Здѣшняя смерть наша есть наше счастье, потому что съ нею прекращается ноша креста и начнется жизнь небесная. Никакіе грѣхи не отлучаютъ отъ Искупителя, не лишаютъ блаженства безсмертія. Вѣра во Христа улаживаетъ тернистую тропу нашей земной жизни, а убѣжденіе въ милосердіи, Его ведетъ насъ въ царствіе небесное. Убѣждайтесь, Гавріиль Петровичъ, убѣждайте свой разумъ въ милосердіи Сына Божія, и смѣло, съ полной надеждой, зовите Иисуса Христа. Онъ уже близъ васъ.... зовите же Его всей силой души зовите!...“ Слеза за слезой выкатывались изъ потухающихъ глазъ уми-

ущаго, и онъ съ улыбкой усиливался призывать имя Спасителя. Бродѣтельный пастырь горячо молился и благословлялъ умирающаго, заливаясь слезами. Наступило 2-е мая 1820 года. Ярко блестѣло солнце; ароматенъ былъ майскій Харьковскій день. Но не для насъ разливалось солнце, не для насъ разливался ароматъ въ воздухѣ: мы лежали у постели умирающаго отца.... Безмолвно, едва движимой рукой благословлялъ онъ каждого изъ насъ подносимымъ образомъ, и въ ту минуту закрывалъ глаза. Сестра и мужъ ея были съ нами. Черезъ минуту онъ тихо, безъ содроганія уснулъ на вѣки....

Полиція и многіе изъ университетскихъ, часа за два, до капофы, группировались на площади и у подъѣзда дома. Въ данную минуту все хлынуло въ домъ и густо наполнило комнаты.

Похороны совершались съ обычной церемоніей. Университетъ выдалъ деньги на погребеніе; дома же оказалось всего-на-всего не болѣе пяти рублей ассигнаціями и мѣдью. По возвращеніи съ кладбища, сказали о назначеніи опекунами предсмертныхъ друзей (?) покойнаго: Еллинскаго и Комлишинскаго. Въ этотъ же день они осмотрѣли, и въ утро описали все имущество. Въ кладовыхъ оказалось немного белья, старое платье и пустые сундуки, въ кабинетѣ—книги и бумаги. Опекуны убрали въ большую связку много писемъ и разныхъ бумагъ и увезли съ собой. Зачѣмъ и по какому праву это сдѣлано ими, необъяснено; необъяснилось и то, какія были забраны ими бумаги. Домъ отворили, а ключи отъ пустыхъ сундуковъ, пустыхъ шкатулокъ и шкаповъ опекуны взяли къ себѣ. Прошелъ день. Меня перевезли на житье въ домъ опекуна Комлишинскаго, гдѣ я полгода бѣдствовалъ такъ ужасно, что принужденъ былъ оставить университетъ и очертя голову бросился въ невѣдемую мнѣ ни мало военную службу. Домъ сначала отдали въ наемъ, а потомъ продали; садъ тоже перешелъ къ новому владѣльцу. Я забылъ сказать, что Куницкіе уже жили въ своемъ собственномъ домѣ, предназначенномъ для нихъ отцомъ, незадолго до его болѣзни.

Куда дѣвались бумаги, захваченныя опекунами, и что въ нихъ было, не знаю; но у насъ, (у меня и у сестры) не осталось ни одного листка, написаннаго рукой отца, не осталось никакого документа и ни одного письма, писаннаго къ нему. Слѣдъ существованія этого ученаго человѣка уничтоженъ, и только его сочиненія и переводы, его имя въ спискахъ педагоговъ и слабыя воспоминанія новыхъ служителей науки о немъ, и объ ученомъ минувшаго полустолѣтія, свидѣтельствуютъ о Г. П. Успенскомъ. Библіотеку и миндъ-кабинетъ отца продали враздробъ. Движимость и недвижимость его пошли въ чужія, неизвѣстныя руки. У меня отъ всего его имущества остался только портретъ его, очень вѣр-

но снятый. Назади портрета крупно написано печатнымъ шрифтомъ: „Императорскаго Харьковскаго университета заслуженный профессоръ и кавалеръ Гавріиль Петровичъ Успенскій родился 8-го іюня 1765 году. (Внизу) Картина писана съ натуры въ августѣ мѣсяцѣ 1819 года, рисовальнымъ учителемъ при Орловской Губернской Гимназіи Григорьемъ Ивановымъ Корнѣевымъ“.

Въ тридцатыхъ годахъ, бывши въ Харьковѣ, я поставилъ на могилѣ родителей деревянную колонну съ высѣченною надписью; сверху ея свѣтился посеребренный шаръ съ крестомъ; могилу оправилъ дерномъ. На другой день уже небыло на памятникѣ посеребрянного шара и креста. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Харькова. Быть можетъ, дожди и вѣтры размыли и разнесли насыпь съ могилы ученаго мужа; быть можетъ, она давно занята другимъ жильцомъ и никому уже не придется увидать ее и поклониться ей! Оправдываются слова псалмопѣвца: „Человѣкъ—таже трава: жизнь его подобна полевому цвѣтку—отцвѣтеть, развѣтается вѣтромъ и никто не отыщетъ его мѣста!“¹⁾

Таковъ былъ въ своей частной жизни Г. П. Успенскій, одинъ изъ наиболѣе выдающихся профессоровъ Харьковскаго Университета. Мы видимъ, что неблагопріятныя условія его семейнаго быта отразились самымъ рѣшительнымъ образомъ на его научной, преподавательской и административной дѣятельности и въ концѣ концовъ привели его къ преждевременной кончинѣ. Вообще можно сказать, что приведенныя воспоминанія рисуютъ намъ образъ одного изъ типичныхъ дѣятелей того времени, вводятъ насъ въ тогдашнюю университетскую жизнь и въ значительной степени восполняютъ наши свѣдѣнія о той эпохѣ. Безъ подобныхъ матеріаловъ мы не имѣли бы яснаго и отчетливаго представленія о дѣятеляхъ тогдашней университетской жизни.

Благопріятный отзывъ о Г. П. Успенскомъ дается и въ одномъ современномъ документѣ, опубликованномъ В. И. Срезневскимъ. „Характеръ сего человѣка, говорится тамъ, былъ неутомимая дѣятельность. По множеству должностей, имъ занимаемыхъ въ одно время, нельзя, казалось, не ожидать опущенія;—и однакоже Успенскій всегда былъ точенъ въ исполненіи должностей своихъ. Въ обращеніи онъ былъ благоразумно строгъ съ подчиненными и прямо по русски привѣтливъ съ равными себѣ. Онъ не былъ гениемъ ни въ какой части наукъ, но во всѣхъ показывалъ здравый умъ“²⁾.

Въ аналогичномъ документѣ находится слѣдующая характеристика И. Е. Срезневскаго. „И. Е. Срезневскій въ обхожденіи былъ съ важ-

¹⁾ Ворон. губ. вѣд. 1863 г. № 30—32.

²⁾ Отчетъ о 45-мъ присужденіи наградъ графа Уварова СПб. 1901, стр. 212.

ностью привѣтливъ, въ разговорахъ убѣждающъ и пріятенъ, въ чувствахъ и вѣрѣ истинный христіанинъ; образованію юншества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души своей, нежели по долгу; и потому многихъ сдѣлалъ признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодѣяніямъ. Онъ однакожъ доказалъ собою истину, превосходно изложенную въ его грамматикѣ критики и рѣчи о различіи дарованія въ людяхъ, что здоровое состояніе тѣла нашего есть необходимое условіе для совершенства душевныхъ талантовъ. Неумѣренные занятія при самомъ началѣ его образованія посѣяли въ немъ сѣмя болѣзни; неудачная потомъ служба и разныя огорченія въ жизни произрастили это сѣмя до того, что онъ при концѣ жизни своей еще почти въ предѣлахъ мужества не только не могъ управлять ума своего, но и въ самыхъ приверженныхъ къ нему рождалъ горестное желаніе, чтобы разстроенное и изможденное тѣло его освободило отъ тяжкихъ узъ своихъ бессмертный духъ. Онъ скончался въ 1819 г. 12 сентября на 50-мъ году своей жизни; оставилъ послѣ себя жену и троихъ дѣтей, коимъ благодѣтельное правительство опредѣлило въ награду 20 лѣтней службы его безбѣдное состояніе ¹⁾).

Аттестаціи же учебнаго начальства не всегда совпадали съ дѣйствительными заслугами университетскихъ дѣятелей. Едва ли не самую блестящую аттестацію заслужилъ отъ попечителя проф. Пауловичъ—а между тѣмъ въ дѣйствительности это былъ и слабый профессоръ, и слабый ученый, и съ большими слабостями человѣкъ. Попечитель просилъ Министра о назначеніи ему кромѣ полной пенсіи еще денежной награды въ 5000 р. и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ своемъ представленіи о немъ писалъ: „объ отличномъ служеніи Пауловича неоднократно свидѣтельствовалъ я какъ бывшему Министру Народнаго Просвѣщенія, такъ и Вашему Высокопревосходительству, и предмѣстники мои равномѣрно свидѣтельствовали о томъ же. Рѣдкая и безпримѣрная (?) честность Пауловича извѣстна всѣмъ членамъ университета: онъ пользуется такой же репутаціей и у всѣхъ жителей г. Харькова и всѣми сословіями достойно уважаемъ. Неутомимость, усердіе и дѣятельность въ исправленіи обязанностей въ его преклонныя лѣта всегда были предметомъ удивленія; должность непремѣннаго засѣдателя Правленія столь многотрудная съ 1827 года по настоящее время неослабно, честно и благородно имъ была исполняема. Во время службы своей исполнялъ многія постороннія должности безъ всякаго вознагражденія“ ²⁾

¹⁾ Ibidem, стр. 215.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1943/126.

Сообщая о своемъ представленіи Пауловичу, Попечитель ему писалъ: „мнѣ остается съ прискорбіемъ о потерѣ дня службы столь достойнаго и отличнаго профессора, каковымъ привыкъ признавать Васъ, изъявить вамъ за достохвальное, отличное и на истинномъ благородствѣ чувствъ основанное служеніе ваше, мою искреннюю благодарность, прося покорнѣйше не забывать того, который навсегда сохранитъ къ вамъ любовь и уваженіе и который дорого цѣнитъ вашу къ нему приязнь и доброе расположеніе“ ¹⁾

Пауловичъ при отставкѣ получилъ полную пенсію и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

А въ извѣстныхъ намъ воспоминаніяхъ студента—современника г. Н. мы находимъ совсѣмъ иной отзывъ о Пауловичѣ.

„Много забавныхъ анекдотовъ говорится тамъ, сохранилось о Пауловичѣ, о его странностяхъ, тупоуміи и крайней разсѣянности; въ этихъ разсказахъ найдется, конечно, не малая доля вымысловъ, но всѣ они свидѣлствуютъ о томъ, что какъ въ обществѣ, такъ и въ университетскомъ кругу Пауловичъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ. По увольненіи своемъ изъ университета онъ продолжалъ службу при Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ въ должности члена Совѣта завѣдывалъ экономическою частью заведенія. Добившись чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Пауловичъ скоро потомъ оставилъ и эту службу. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ отправился онъ за границу, побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ и возвратился оттуда неузнаваемымъ щеголемъ и франтомъ. Его сѣдую голову украсилъ черноволосый завитой парикъ; такіе же черные бакенбарды, искусно прилаженные, стегивали морщины его старческаго лица. Все это, вмѣстѣ съ костюмомъ, сшитымъ по послѣдней модѣ, вызывало невольную улыбку, а иногда и колкія остроты надъ неумѣстными желаніями старца преобразиться въ юношу. Съ тѣхъ поръ Пауловичъ сталъ нерѣдко являться во всѣхъ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ, и всѣ усилія его направлены были къ тому, чтобы втереться въ высшіе слои общества или въ кругъ такъ называемой мѣстной аристократіи, гдѣ, конечно, встрѣчали и провожали его только язвительными шутками и насмѣшками. Спустя два или три года, Пауловичъ снова собрался путешествовать, но отправился уже не на западъ, а на востокъ, не въ Европу, а въ Азію,—побывалъ въ Египтѣ и Палестинѣ. По возвращеніи оттуда онъ напечаталъ записки о своемъ путешествіи; но изданіе это представляетъ не болѣе, какъ компіляцію изъ сочиненій другихъ туристов.

---

¹⁾ Ibidem.

рожденную при томъ тяжелымъ слогомъ, съ фразами и оборотами, чуждыми русскому языку, и весьма не занимательную по своему содержанію. На каждой страницѣ читатель приходитъ къ сознанию, что Пауловичъ говоритъ съ чужихъ словъ, о томъ, чего самъ не испытывалъ и не наблюдалъ съ надлежащею точностью и внимательностью—чего, быть можетъ, даже и не видѣлъ. Изданіе Пауловича о путешествіи осталось мертвымъ капиталомъ, не только залежавшемся у нашихъ книгопродавцевъ, но быть можетъ, уже и выброшеннымъ ими, по своей мертвечинѣ и затхлости; да едва ли и въ самую пору его появленія, нашелся хоть одинъ читатель, который имѣлъ бы желаніе прочитать его отъ начала до конца“.

„Замѣчанія о Лондонѣ“ (1846 г.), „Замѣчанія объ Италіи“ (1857 г.), „Замѣчанія объ Италіи и объ островахъ Сициліи и Мальтѣ, преимущественно же о Неаполѣ и окрестностяхъ его (1861 г.) составляютъ три тематическихъ тома, изъ коихъ первый посвященъ Харьк. ген. губ. кн. Григорюкову, второй—Харьк. ген. губ. Кокошкину, третій—Харьковскому дворянству.

У профессора Гулака Артемовскаго Н. отмѣчаетъ стремленіе къ театральскимъ приемамъ и непомѣрное честолюбіе. „Никакихъ ученыхъ трудовъ, говоритъ онъ, профессоръ по себѣ не оставилъ, кромѣ нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ при торжественныхъ актахъ и напечатанныхъ въ университетскихъ изданіяхъ. Впрочемъ профессоръ охотно говорилъ рѣчи и при разныхъ другихъ случаяхъ. Я помню одну изъ такихъ рѣчей, которую произнесъ онъ послѣ молебствія, которымъ сопровождалось у насъ ежегодно открытіе новаго учебнаго курса. Рѣчь эта произвела весьма хорошее впечатлѣніе на слушателей. Приведу здѣсь начало или вступленіе, сохранившееся въ моей памяти, чтобы познакомить читателей съ округленною періодическою рѣчью профессора, которую онъ такъ любилъ и которая иногда доходила у него до излишней высокопарности. Вотъ этотъ отрывокъ. „Благородные юноши! Подкрѣпивъ силы души отдохновеніемъ, мы снова начинаемъ годичное поприще полезныхъ и мирныхъ занятій нашихъ и полагаемъ краеугольнымъ камнемъ этихъ теплыхъ молитвъ къ Тому, безъ благодатной помощи Котораго никакія начинанія человѣческія не увѣнчиваются успѣхомъ. Симъ торжественнымъ дѣйствіемъ зависимости свидѣтельствуемъ мы, съ одной стороны, явное безсиліе нашей природы, съ другой—высокія надежды на благодать Небеснаго промысла—надежды, неугасимыя въ душѣ смертнаго и часто претворяющія скудельныя изваянія бранныхъ рукъ человѣческихъ въ адамантовые памятники славы и безсмертія“. Не помню дальнѣйшаго продолженія этой рѣчи, но вся она была написана въ такомъ же складѣ.

Артемовскому много вредила его административная дѣятельность. Какъ человѣкъ до крайности честолюбивый, онъ всю жизнь свою нѣлся за почестями, чинами и знаками отличій. Кромѣ университета онъ состоялъ на службѣ при Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ должности члена, завѣдывающаго учебною частію. Каждый день, и иногда по нѣсколько разъ, посѣщалъ онъ это заведеніе“.

„Профессоръ Дудровичъ, говоритъ Н., заслужилъ общее уваженіе не только своимъ преподаваніемъ, но и своею личностью, отличающеюся высокимъ нравственнымъ характеромъ. Давно уже овдовѣвъ (едва ли въ первой молодости) онъ велъ уединенную, почти отшельническую жизнь. Писатели всѣхъ вѣковъ и народовъ были лучшими его друзьями. Рѣдко являлся онъ въ обществѣ, и мы не знаемъ даже, кто изъ профессоровъ принадлежалъ къ числу его ближайшихъ друзей и пріятелей, хотя всѣ они относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Андрей Ивановичъ Дудровичъ былъ католикъ; но каждый воскресный день и праздникъ его можно было встрѣтить въ нашей православной церкви, гдѣ съ начала и до конца церковной службы не прекращалась и ни чѣмъ не развлекалась его благоговѣйная молитва. Католики еще не имѣли тогда въ Харьковѣ своей собственной церкви и, сколько мнѣ помнится, польскій ксензъ появился въ нашемъ городѣ весьма не долго до смерти профес. Дудровича. Сперва онъ отправлялъ богослуженіе въ одномъ изъ частныхъ домовъ, и потомъ для католическаго костела отведено было помѣщеніе въ одномъ изъ университетскихъ зданій, которое занимаютъ теперь музей и кабинеты. Между профессорами и студентами университета было тогда немало католиковъ. И потому, въ то время, когда мы готовились уже къ экзамену изъ естественнаго права, разнеслась вѣсть о тяжелой болѣзни профессора Дудровича. Онъ былъ тогда уже ректоромъ университета. Съ каждымъ днемъ положеніе больного дѣлалось все хуже и хуже. При одинокой жизни и недостаткѣ прислуги, нельзя было ожидать, конечно, надлежащаго ухода и присмотра за страдальцемъ, уже непокидавшимъ постели. Ближайшіе знакомые изъ профессоровъ и другихъ лицъ, навѣщавшихъ больного, а можетъ быть и медики, принимавшіе искреннее въ немъ участіе, убѣдили Андрея Ивановича переѣхать въ университетскую клинику. Но здѣсь онъ не получилъ никакого облегченія; ничто не подавало надежды на его выздоровленіе. Говорили, что у больного съзвизилось горло до того, что онъ не могъ принимать никакой пищи и его кормили однимъ только молокомъ. Болѣзнь эту приписывали нѣкоторые пристрастію къ трубкѣ, которую въ прежнее время не выпускалъ онъ изъ продолженія цѣлаго дня. Въ доказательство того, какъ любили сту-

своего профессора и ректора и съ какимъ сочувствіемъ относился къ его болѣзни, приведу я замѣчательный фактъ. Когда вѣсть объ этомъ и почти безнадежномъ положеніи больного разнеслась въ университетскихъ аудиторіяхъ, то вслѣдъ за тѣмъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, студенты всѣхъ факультетовъ явились въ городской соборъ просили духовенство отслужить молебствіе о выздоровленіи заболѣвшаго. Трогательно было видѣть всю эту многочисленную сходку, молящуюся съ непритворнымъ благоговѣніемъ и усердными колѣно-преклоненіями. Сцена эта вызвала слезы у многихъ изъ присутствовавшихъ на богослуженіи. Но Богу не угодно было продлить жизнь страдальца спустя нѣсколько дней послѣ того, онъ скончался. Тѣло его было внесено въ торжественный залъ университета, гдѣ устроенъ былъ историческій алтарь, богато и роскошно украшенный, а затѣмъ, въ день отпѣванія, совершены были заупокойная обѣдня и погребальный обрядъ. Не мало надгробныхъ рѣчей произнесено было надъ прахомъ усопшаго. Тѣло его сопровождали до могилы не только профессора университета и студенты всѣхъ факультетовъ, но и воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній г. Харькова. Въ стройной процессіи участвовали также высшіе чины мѣстной администраціи и всѣ сограждане, которымъ усопшій болѣе или менѣе извѣстенъ былъ своею примѣрною жизнью. Впослѣдствіи, иждивеніемъ профессоровъ и студентовъ университета, на его могилѣ воздвигнутъ былъ скромный, но красивый памятникъ.

Придумали и эпитафію, которая подала однакожь поводъ къ разсужденіямъ. Одни предлагали написать: „такъ жилъ, какъ училъ“; а по желанію другихъ, та же самая мысль была бы выражена еще сильнѣе надписи: „такъ училъ, какъ жилъ“. Всѣ эти мелочи доказываютъ однакожь, насколько дорога была для всѣхъ память объ усопшемъ. Не въ послѣдствіи посѣщаль я его могилу на такъ называемомъ нѣмецкомъ кладбищѣ, общемъ для лютеранъ и католиковъ, но признаюсь не нашелъ теперь—та ли, или другая надпись явилась на надгробномъ памятникѣ. Не даромъ распространился я такъ о незабвенномъ профессорѣ своемъ А. И. Дудровичѣ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ преподавателей, въ которыхъ большой недочетъ оказывался тогда въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ этой характеристикѣ личность Дудровича несомнѣнно идеализована. Въ первой главѣ настоящаго труда мы приводили факты, относящіеся къ Дудровичу, какъ профессору—человѣку, съ отрицательной стороны. Будучи ученикомъ Шада, онъ примкнулъ къ новому мистическому направленію, проводившемуся сверху, и сдѣлался покорнымъ

орудіємъ въ рукахъ Карнѣвыхъ. Авторъ приведенныхъ выше воспоминаній не зналъ его съ этой стороны, ибо въ 1828 году, когда вступилъ въ университетъ представителей мистицизма тамъ уже было. Можно впрочемъ также предполагать, что свою личную зна- А. И. Дудровичъ устроилъ такъ, что проповѣдь духовнаго начала, религиозно-нравственныхъ идей паходила въ то время у него въ соотвѣтствіи нею. Этимъ объясняется и глубокое уваженіе, которое питала къ учащаяся молодежь.

Памятникъ, поставленный ему этою молодежью и профессоромъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ, сохранился доселѣ. Онъ представляетъ себя чугунное сооруженіе съ такими же колоннами; въ серединѣ его пустота и тамъ помѣщается чугунная ваза съ короной и инициалами А. Д.

Ясно читаются слѣдующія надписи на памятникѣ на русскомъ языкѣ.

„Воздвигнуть въ 1836 году на мѣстѣ, гдѣ покоятся смертные останки ректора Императорскаго Харьковскаго университета, философа, доктора, умозрительной и опытной философіи профессора, Коллежскаго Совѣтника и кавалера Андрея Ивановича Дудровича, родившагося въ 1783 году, предавшаго, по совершеніи въ мірѣ земнаго поприща, въ руки Создателя своего 25 мая 1830 г. Иждивеніемъ его почитателей“.

Затѣмъ ниже: *„Жилъ такъ, какъ училъ“*.

По бокамъ: „Возжелѣніе премудрости возводитъ къ царству Вѣчному“;

Блаженни умирающіе о Господѣ; да почиютъ отъ трудовъ ихъ; дѣла ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними“.

Во всякомъ случаѣ А. И. Дудровичъ выдѣлялся изъ среды другихъ тогдашнихъ профессоровъ нравственнымъ вліяніемъ своей личности на учащуюся молодежь.

Проф. А. О. Павловскій былъ также выдающеюся въ нравственномъ отношеніи личностью. По словамъ Чирикова „онъ отличался оригинальною прямою и былъ уважаемъ за независимое и рѣзкое, всегда правдивое сказываніе своего мнѣнія. Этотъ чудакъ—философъ, погруженный въ свою математику, будучи назначенъ инспекторомъ студентовъ, не трудился защитить ихъ отъ преслѣдованія за вольнодумство, въ чемъ и успѣлъ у попечителя Филатѣева; а другою разъ, когда его защита не удалась, отказался отъ инспекторства“¹⁾.

¹⁾ Харьковскій историческій архивъ. Рукописныя замѣтки Г. С. Чирикова о профессорахъ Харьк. университета.

О проф. Блументалѣ далъ прекрасный отзывъ его ученикъ по Харьковскому университету знаменитый лейбъ-медикъ Ф. С. Цыгуринъ прѣхавшій въ 1876 г. въ Москву на 50-ти лѣтній юбилей своего бывшаго учителя. Онъ такъ обрисовалъ его характеръ. „А. И. Блументаль былъ превосходнымъ наставникомъ и любимѣйшимъ нашимъ профессоромъ. Отношенія наши къ нему были самыя дружескія. Мы, студенты, почитали его какъ даровитаго профессора, и обожали, какъ гуманнаго и добрѣйшаго человѣка, всегда готоваго помогать намъ во всѣхъ нашихъ нуждахъ и нравственной, и матеріальною поддержкою“¹⁾

Добрую память о себѣ оставилъ и проф. Книгинъ. „Императорскій Харьковскій университетъ, говоритъ біографъ его проф. М. А. Полювъ, признавая громадную пользу, которую принесъ ему проф. Книгинъ своимъ трудомъ и преподаваніемъ въ теченіе его службы въ Харьковѣ, благодаря чему многіе изъ его учениковъ впоследствии вышли отличными докторами и профессорами, избралъ его единогласно почетнымъ членомъ и по утвержденіи избранія высшимъ начальствомъ въ полномъ присутствіи Совѣта 31 августа 1829 года поднесъ ему на это званіе дипломъ“. То же уваженіе къ нему ярко обнаружилось и на похоронахъ (въ 1830 г.). Надобно было видѣть, говоритъ корреспондентъ „Сѣверной Пчелы“, искреннее участіе въ отданіи послѣдняго долга при погребеніи Книгина, участіе, съ коимъ сопровождали его тѣло до кладбища жители всѣхъ сословій горсда Харькова, чтобы сказать, до какой степени любимъ и уважаемъ былъ здѣсь И. Д. Книгинъ. При жизни часто скрываются, по различнымъ обстоятельствамъ, наши чувства даже и къ великимъ людямъ; смерть обнаруживаетъ ихъ—и достойному воздается достойная честь“²⁾.

Проф. Ванноти пользовался повидимому общимъ уваженіемъ при жизни, какъ университетскій дѣятель, и это уваженіе нашло себѣ выраженіе въ некрологахъ, вызванныхъ его кончиною. Мы остановимся поэтому подробно на содержаніи этихъ некрологовъ, тѣмъ болѣе что они дадутъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее понятіе о надгробныхъ рѣчахъ того времени. Конечно, при этомъ необходимо имѣть въ виду, что laudationes funebres нерѣдко заключаютъ въ себѣ субъективный элементъ. Проф. Архангельскій напечаталъ „Жизнеописаніе Я. О. Ванноти, гдѣ между прочимъ говорить. „Послѣдую за симъ почтеннымъ мужемъ въ его общественной ученой и домашней жизни, видимъ въ немъ примѣрнаго человѣка. Какъ гражданинъ, онъ свято соблюдалъ

²⁾ Тоже и тамъ же съ ссылкой на ст. газ. „Новое Время“ 1879 г. № 1076, 25-го февраля.

³⁾ Зап. Имп. Харьк. унвер., 1900, 2-я стр. 38—39.

„Записки Императ. Харьк. Унверс.“

всѣ обязанности къ начальству, къ своимъ сочленамъ и къ низшимъ, руководствуясь во всѣхъ своихъ поступкахъ строгими правилами нравственности, съ отмѣнною ревностью проходилъ онъ званіе свое, не возбуждаясь къ тому ожиданіемъ особеннаго возмездія. Ни болѣзненное его состояніе само по себѣ, ни присоединившіяся къ тому убѣжденія, страшившейся за жизнь его нѣжной супруги и совѣты его доброжелателей не могли удерживать его стремленія къ исполненію должности, какъ скоро онъ чувствовалъ себя хотя нѣсколько къ тому способнымъ. Такъ онъ съ послѣднимъ напряженіемъ силъ явился въ средѣ ораторовъ въ торжественномъ Собраніи университета ¹⁾. Въ совѣщаніяхъ общественныхъ, сохраняя надлежащее уваженіе и доброе расположеніе къ своимъ сочленамъ, подавалъ мнѣнія, одною справедливостію внушенные, сопровождая ихъ кротостію и человѣколюбіемъ. Языкъ его никогда не изрекалъ жестокаго приговора; изъ устъ его не вылетѣло ни одного слова, обиднаго для чести ближняго; руки его не осквернены принятіемъ несправедливой корысти. Дѣланіе добра другимъ было его утѣхою. Какъ врачъ, помогая другимъ въ болѣзняхъ, являлъ рѣдкое безкорыстіе. Къ сожалѣнію многихъ, собственная его долговременная болѣзнь лишила ихъ столь безопаснаго врачевателя. Въ обращеніи любезная простота и пріятность растворяла бесѣды его; добросердечіе его, сіявшее въ его взорахъ, изливалось со словами изъ устъ его.

Взирая на него какъ на ученаго человѣка, находимъ въ немъ счастливое, столь многожелаемое соединеніе доброты сердца съ превосходствомъ дарованій. Такое соединеніе тѣмъ болѣе драгоцѣнно въ глазахъ нашихъ, чѣмъ чаще случается намъ видѣть блестящія способности, какъ острый мечъ въ рукахъ умоизступленнаго. Обширность его свѣдѣній равнялась съ превосходствомъ его дарованій, не не могла положить предѣла его прилежанію къ наукамъ. Что я говорю? Самаго мученія болѣзни не удерживали его отъ ученыхъ занятій: часто глубокая полночь застигала его въ безмолвной съ музами бесѣдѣ; читалъ какое либо хорошее сочиненіе, удовлетворявшее его просвѣщенію.

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ: достойно даже удивленія то, что онъ, имѣвъ и въ здоровомъ состояніи весьма тихій голосъ, взялъ на себя произнести рѣчь въ торжественномъ Собраніи университета, едва имѣя слова къ обыкновенному разговору. Когда онъ по причинѣ болѣзни своей не могъ самъ писать свою рѣчь, то, лежа въ постели, диктовалъ; а за писаря служила ему добродѣтельная его любившая и имъ любимая подруга. Преодолѣвъ съ неимовѣрными усиліями всѣ затрудненія со стороны болѣзни при сочиненіи рѣчи, предлежало ему еще затрудненіе со стороны слабости голоса — и онъ нѣсколько дней передъ сказываніемъ рѣчи носилъ на горлѣ пластырь. И въ самомъ успѣлъ такъ, что сверхъ чаянія всѣхъ знавшихъ его произнесъ рѣчь довольно длинную, очень явственно и довольно громко, но чего стоило ему такое напряженіе?

ему, онъ радовался во страданіяхъ своихъ. Такъ сладостны науки тѣхъ, которые получили къ нимъ вкусъ. Рано приключившаяся болѣзнь не дала ему времени отличиться искусствомъ врачеванія въ своемъ краѣ. Но онъ не менѣе того отличался въ леченіи самого себя. Болѣе 9 лѣтъ тому назадъ, какъ одинъ изъ первыхъ здѣшнихъ докторовъ, знавшій его болѣзнь, предсказывалъ ему смерть черезъ два года; но нашъ страдалецъ, къ удивленію всѣхъ, разными средствами поддерживалъ свою жизнь до сего времени. Къ чести его дарованій и, главное, благоразумія отнести должно и то, что онъ въ короткое время выучился въ русскомъ языкѣ столько, что могъ имъ правильно говорить и писать, въ чемъ превзошелъ почти всѣхъ здѣшнихъ подобныхъ ему иностранцевъ. Но что всего болѣе возвышаетъ цѣну любознанія и придаетъ уваженіе къ великимъ свѣдѣніямъ, то это чистая, не сжиная тщеславіемъ любовь къ наукамъ, то это прелестная скромность и терпящая ни малѣйшаго самохвальства, тѣмъ болѣе всемирнаго, и со вредомъ чести сверстниковъ сопряженного, выставленія своихъ свѣдѣній. Съ такимъ благороднымъ чувствомъ умножилъ и такъ отличіемъ украсилъ свои знанія Ванноти. Принявъ во вниманіе неискательность славы, долговременную болѣзнь и недостатокъ способностей, легко простимъ умершему то, что онъ при такихъ дарованіяхъ и свѣдѣніяхъ, немного издалъ въ свѣтъ своихъ сочиненій. Впрочемъ малочисленность ихъ замѣняется великою пользою, какую изъ нихъ извлечь можно... Что касается до изустныхъ его наставленій, то они были совершенно удовлетворительны; методъ его былъ основательный и легокъ; изложеніе естественно и ясно; языкъ чистъ и плавенъ.

Такими безцѣнными качествами сердца и ума онъ привлекъ себѣ всѣхъ любовь и уваженіе, которыя сопровождали его до самой кончины.

Весьма справедливо замѣчаніе, что дабы узнать человѣка, каковъ онъ есть по своей природѣ, надобно смотрѣть въ домашней его жизни... Стойко уважаемый нами мужъ велъ себя въ обществѣ какъ дома и какъ въ обществѣ—вездѣ подобенъ самому себѣ. Добрымъ не только, но былъ, супругъ—самый нѣжный, отецъ—до крайности любящій, хозяинъ—благоразумный, господинъ—милостивый.

Смерть его была смерть праведника. Онъ умеръ такъ тихо, что жившая подлѣ него супруга, съ нимъ спокойно разговаривавшая, того не примѣтила; умеръ, какъ уснулъ. (2 февраля 1819 г. на 46-мъ году жизни). Нелестное уваженіе къ нему засвидѣтельствовано было при погребеніи. Члены университета собрались на другой день въ его гробъ—тамъ совершенно былъ надъ нимъ священный обрядъ отходя-

щимъ отъ міра сего. Студенты, движимые одною благодарностью наставнику ихъ и благопріемъ своимъ, испросили позволеніе нести тѣло покойнаго на плечахъ до самой могилы—болѣе 2-хъ верстъ. Не холодъ—необыкновенный въ здѣшнихъ мѣстахъ, ни увѣщанія начальника университета и профессоровъ медицины не могли отклонить ихъ отъ этого усердія; въ однихъ мундирахъ несли они гробъ въ сопровожденіи погребальной колесницы своими руками, и, проливая искреннія слезы сожалѣнія, опустили бранные останки покойнаго въ землю. При такомъ усердіи всякая погребальная церемонія, сколь бы ни пышная была, теряетъ цѣну и не стоитъ описанія“.

Приведенное „жизнеописаніе“ отличается, какъ мы видимъ, богатствомъ фактическаго содержанія и рисуетъ намъ типъ профессора, не выдѣлявшагося изъ общаго уровня своей среды въ научномъ отношеніи, но преданнаго своей наукѣ, добросовѣстно относившагося къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ, а главное безупречно честнаго человѣка съ добрымъ сердцемъ и деликатнымъ характеромъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ профессорамъ иностранцамъ, которые усвоили себѣ русскую рѣчь и вошли въ интересы русской общественной жизни. Всѣ повидимому и любили этого кроткаго, мягкаго, болѣзненнаго человѣка—его товарищи и чуткая къ добру молодежь.

Рѣчь при погребеніи говорилъ Филомафитскій и она въ противоположность „жизнеописанію“ мало содержательна, ибо имѣетъ предметомъ своимъ назиданіе. Здѣсь проводится мысль, что въ больномъ, слѣбомъ тѣлѣ почившаго былъ великій, бодрый духъ. „Болѣзнь истощала физическое бытіе его, кажется, самымъ лютымъ образомъ; но кто видалъ увнѣе или скорбь на блѣдномъ лицѣ его? Не сопровождала улыбка внутренняго спокойствія голосъ его, едва, едва отъ истощенія слышимый? Былъ ли онъ виновенъ въ опущеніи должности, хотя даже нерѣдко напоминали ему о необходимомъ отдыхѣ? Примѣтенъ былъ когда нибудь въ немъ образъ мрачныхъ, всѣмъ недовольныхъ мыслей, необходимый почти у всѣхъ спутникъ болѣзней? Употреблялъ онъ дарованія ума своего на что нибудь другое, кромѣ образованія юношества, его части вѣреннаго? Въ совѣтахъ вашихъ, подавая нѣтъ, уклонился ли онъ отъ пути чести и правды?“

Въ заключеніе Филомафитскій высказывалъ желаніе, чтобы правительство обезпечило семью того, „который изъ отдаленныхъ предѣловъ отчизны своей принесъ съ собою дарованія свои въ Россію и во всю жизнь употреблялъ ихъ на образованіе юношества и, можетъ быть, пожертвовалъ первымъ на землѣ благомъ—своимъ здоровьемъ—образованію другихъ“.

Нельзя не порадоваться, что справедливая, безпристрастная оцѣнка заслугъ иностранца нашла себѣ такое яркое и полное выраженіе въ русской профессорской средѣ. Вѣнноти былъ уже одинъ изъ немногихъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграницы при основаніи Харьковскаго университета и оставшихся въ составѣ тогдашней профессорской коллегіи.

Третій некрологъ имѣетъ стихотворную форму и принадлежитъ Райдаровскому. Вотъ его текстъ.

„И съ тобой мы разлучилися,
Мужъ, достойный вѣчной памяти!
И съ тобою не увидимся,
Не разставшись прежде съ міромъ симъ!
Пусть жестока смерть взяла отъ насъ
Прахъ твой бранный; но сильна ль она
Вмѣстѣ съ тѣломъ умертвить твой духъ?
Солнце правды невечернія!
Неужели смерть, смерть люта,я,
Перервавши жизни нить его,
Прекратила и достоинства,
Украшавшія стезю его
Въ мірѣ семъ печальномъ, горестномъ?
Нѣтъ! любитель правды—доблести
На всегда въ душѣ признательной
Сохранить воспоминаніе
О тебѣ, отшедшій въ лучшій свѣтъ!
Нѣтъ! Друзья тобой любимые
Не престанутъ изъ юдоли сей
Воззывать къ тебѣ и въ горняя,
Прославляя твою вѣрность къ нимъ!
Нѣтъ! товарищи, съ которыми
Ты служилъ жрецомъ во храмѣ музъ,
Не забудутъ никогда тебя.
Чтожь скажу я о тѣхъ юношахъ,
Кои, пробудясь на утріе,
Притекутъ, чтобъ спросить тебя
О своихъ недоумѣніяхъ?
Притекутъ, но съ сокрушеніемъ
Узрять, что уста, вѣщавшія,
Гдѣ сокровище познаній ихъ,
Не промолвятъ ни полъ слова къ нимъ!

Зри ихъ горестъ ты сердечную
Кромѣ сей душевной дани ихъ
Ничего не принесутъ тебѣ.
Но и симъ ли облегчатъ они
Скорбь души осиротѣвшія?
Стонъ супруги, плачъ дѣтей твоихъ
Безпрестанно будетъ имъ твердить:
Кто образовалъ вашъ юный умъ,
Тотъ содѣлалъ васъ несчастными
Преждевременной кончиною“¹⁾).

Какъ видимъ отсюда, это чистая проза въ стихахъ, лишена художественнаго значенія и искренняго чувства.

Въ томъ же 1819-мъ году умеръ другой профессоръ медицинскаго факультета и также иностранецъ по происхожденію Дрейсигъ. И нравственныя черты, по некрологамъ, выступаютъ въ благопріятномъ свѣтѣ. Онъ скончался отъ нервной горячки (обычная болѣзнь въ то время въ Харьковѣ), а до того времени пользовался хорошимъ здоровьемъ, велъ умѣренную и нравственную жизнь. „Онъ былъ медикъ, если не снискалъ громкой славы своимъ лѣченіемъ, то приобрѣлъ добровѣстную и незабвенную память своимъ добродушіемъ, безкорыстіемъ. Бѣдѣ и богатому равно находили въ немъ помощь и утѣшеніе. Ни въ полночь, ни самое ненастное время не удерживали его отъ въсколюбивой должности—посѣщать больныхъ. Если кому не могъ врачеваніемъ помочь, то усердіемъ и утѣшеніемъ заставлялъ позабыть о болѣзни. Къ сожалѣнію, онъ худо зналъ русскій языкъ—и это можетъ быть было причиною, что въ лѣченіяхъ своихъ не имѣлъ обширной практики. Что-жъ касается до познаній его, какъ профессора медицины, то по признанію его товарищей, университетъ не будетъ имѣть ему равнаго. Погребеніе его сопутствуемо было всѣмъ городомъ, всѣми состояніями, всѣми званіями. Одинъ 80-лѣтній старикъ не выходявшій изъ дому нѣсколько лѣтъ вышелъ проводить тѣло дика, его пользовавшаго, и въ горести истинной желалъ себѣ смерти—лишь бы остался живъ благодѣтель страждущаго отъ тѣлесныхъ недуговъ челоуѣчества. Всѣ чиновники университета присутствовали на его погребеніи, а медицинскіе студенты не отходили изъ дому его продолженіе трехъ послѣднихъ дней его жизни“.

Проф. Архангельскій произнесъ надгробную рѣчь, въ заключеніе которой, обращаясь ко вдовѣ почившаго, сказалъ: „мы всѣ—весь градъ“.

¹⁾ Украинскій Вѣстникъ 1819 г. февраль, стр. 228—238, 221—228, 217—218.

вся сія страна, раздѣляемъ съ тобой печаль твою; мы въ полной чувствуемъ, коль ты несчастна! Но да облегчится печаль твоя печалью; да утѣшишься ты искреннимъ о тебѣ сожалѣніемъ. Ты была друга, но усердныя молитвы облагодѣтельствованныхъ имъ придутъ на тебя благословеніе и покровъ Небеснаго Отца за нѣжную супружескую любовь. Онъ умеръ, но память о немъ вѣчно жить будетъ въ благодарныхъ душахъ нашихъ. Отъ рода въ родъ передавать будемъ достопамятное имя его. Посѣщая гробъ его, будемъ напоминать дѣтямъ нашимъ, скажемъ имъ: здѣсь хранится драгоцѣнный прахъ благороднаго челоуѣка, прахъ друга нашего, благодѣтеля нашего, спасителя жизни нашей; оросимъ слезами могилу его—и дѣти наши украсятъ цвѣтами. Таковъ пребудетъ памятникъ твой, о мужъ безсмертный!“¹⁾

Въ томъ же 1819 году умерло еще и двое профессоровъ русскаго происхожденія—Каменскій и Гонорскій.

Первый умеръ въ Кіевѣ также отъ нервной горячки. Некрологъ описываетъ его разнообразную кромѣ профессуры служебную дѣятельность въ университетѣ (былъ секретаремъ Совѣта, инспекторомъ разнокоштныхъ студентовъ, членомъ училищнаго комитета, визитиромъ и непремѣннымъ засѣдателемъ въ Правленіи). Повидимому это былъ типъ искуснаго практическаго дѣятеля. Таковымъ онъ былъ уже въ Казани, гдѣ началась и преждевременно прервалась его профессорская служба, соединявшаяся также съ хозяйственною дѣятельностью²⁾. Былъ также членомъ трехъ ученыхъ обществъ. Но въ особую заслугу некрологъ ставитъ ему воспитаніе его собственныхъ дѣтей: старшая дочь его помѣщала свои произведенія на страницахъ *Украинскаго Вѣстника*, старшій сынъ окончилъ университетъ³⁾. О Тим. Гонорскомъ въ рѣчи, составленной Борзенковымъ, говорится следующее. Страсть къ наукамъ, въ особенности языкамъ и изящной наукѣ надрывала его здоровье, но горестъ о потерѣ его усугубляла также тѣмъ, что у него были превосходныя нравственныя качества: любезность характера, скромность въ обращеніи, уваженіе къ личности, нѣжность въ дружбѣ и привязанность къ родственникамъ, словомъ, чистота души и невинность нравовъ⁴⁾.

Полную противоположность представлялъ Паки де-Совиньи, о которомъ ходило много анекдотовъ у современниковъ и который былъ любимъ посмѣшищемъ у молодежи.

¹⁾ Укр. Вѣстникъ 1819 г., іюль, стр. 97—102.

²⁾ Н. Булича. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго универ. I. К. 1887 г., стр. 146—161.

³⁾ Укр. Вѣст. 1819-й, августъ, 239—240.

⁴⁾ Укр. Вѣстникъ 1819-й годъ, августъ, 240—244.